

ДИСКУССИЯ О КНИГЕ «ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. АКТОРЫ, ИНСТИТУТЫ, НАРРАТИВЫ»¹

С.М. Маркедонов, В.А. Шнирельман, Л.А. Фадеева, Х. Граля, М.А. Липман, А.А. Тесля

Аннотация. В дискуссии представлена серия рецензий на коллективную монографию «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы», которая была опубликована издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2020 г. Рецензентами монографии выступили ведущие российские и зарубежные специалисты, имеющие большой исследовательский опыт в изучении сходных проблем и вопросов. Авторы рецензий отмечают актуальность проблематики исследований исторической политики в России и странах Восточной Европы, разнообразие проанализированных в обсуждаемом издании сюжетов. Рецензии имеют и критическое содержание, в том числе по отношению к концептуальным рамкам исследования и критериям выбора освещаемых в книге тем. Некоторые дискуссанты отмечают необходимость более ясного определения географических рамок научной работы, а также критикуют недостаточную теоретическую проработанность ключевых аналитических категорий. Вместе с тем, участники дискуссии сходятся в перспективности предложенных авторским коллективом подходов и научности сформулированных оценок. Общим мнением является и уверенность в актуальности исследовательского пространства и необходимость его дальнейшей всесторонней разработки.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, историческая политика.

¹ Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Авторы:

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; главный редактор журнала «Международная аналитика», 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76, imi@inno.mgimo.ru.

Шнирельман Виктор Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр., 32-А, shnirv@mail.ru.

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, lafadeeva2007@yandex.ru.

Граля Хероним, доктор истории, руководитель «Comissio Polono-russica», факультет «Artes Liberales», Варшавский Университет, Варшава, Республика Польша, hieronimgrala57@gmail.com.

Липман Мария Александровна, ассоциированный сотрудник Института изучения Европы, России и Евразии, Университет Джорджа Вашингтона, 1918 F Street, NW, Washington, DC 20052, 202-994-1000.

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56, mestr81@gmail.com.

DISCUSSION OF THE BOOK “THE POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND EASTERN EUROPE. ACTORS, INSTITUTES, NARRATIVES”

S.M. Markedonov, V.A. Shnirelman, L.A. Fadeeva, H. Grala, M.A. Lipman, A.A. Teslya

Abstract. The discussion presents a series of reviews on the collective monograph “The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, institutes, narratives”, which was published by the European University Publishing House in St. Petersburg in 2020. The reviewers of the monograph are leading Russian and foreign specialists with extensive research experience in studying similar problems and issues. The authors of the reviews note the urgency of the problems of historical policy research in Russia and Eastern European countries and the variety of subjects analyzed in the discussed publication. The reviews also have critical content, including the conceptual framework of the research and criteria for selecting topics to be covered in the book. Some discussants point to the need for a clearer definition of the geographical scope of the research work and also criticize the lack of theoretical elaboration of key analytical categories. At the same time, the discussion participants agree on the prospects of the approaches proposed by the authors' team and on the formulated scientific assessments. There is also a common opinion that the research space is relevant and needs to be further developed in a comprehensive manner.

Keywords: historical memory, collective memory, historical politics.

Authors:

Markedonov Sergey M., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Euro-Atlantic Security Center, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Studies of the Russian Ministry of Foreign Affairs; Editor-in-chief of the Journal "International Analytics", 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia, imi@inno.mgimo.ru.

Shnirelman Victor A., Doctor of Science (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 32-A, Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russia, shnirv@mail.ru.

Fadeeva Lyubov A., Doctor of Science (History), Professor, Department of Political Sciences, Perm State National Research University, 15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia, lafadeeva2007@yandex.ru.

Grala Hieronim, Doctor of History, Head of the "Comissio Polono-russica", Faculty "Artes Liberales", Warsaw University, Warsaw, Poland, hieronimgrala57@gmail.com.

Lipman Maria A., Senior Associate to PONARS, Institute for European, Russian and Eurasian Studies, George Washington University, 1918 F Street, NW, Washington, DC 20052, 202-994-1000.

Teslya Andrey A., Candidate Science (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of History, St. Petersburg University; 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia; Senior Researcher, Scientific Adviser (Director), Russian Thought Research Center, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, 56, Chernyshevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia, mestr81@gmail.com.

С.М. Маркедонов

Борьба за память в мире «бунтующей идентичности»

Через три десятилетия после завершения «холодной войны» и распада Советского Союза, как одного из полюсов ялтинско-потсдамского мира, «конец истории», прогнозируемый Фрэнсисом Фукуямой, если понимать под ним всемирное торжество неолиберального экономического и политического консенсуса, не наступил [Fukuyama, 1992]. Сегодня мы эмпирически не наблюдаем в мировой экономике доминирования свободного распределения ресурсов на рынках над их распределением в результате деятельности различных иерархических структур, не в последнюю очередь национальных государств, упадок влияния которых был неоднократно предсказан. Перед нами очевидный кризис и эрозия идеи глобализации. И пандемия коронавирусной инфекции в немалой степени усилила этот тренд, хотя и не отменила сам запрос на ведение международной торговли с минимальным количеством барьеров.

В первой половине 1990-х гг. на волне энтузиазма по поводу вновь обретенного единства Европы, громкого провала целого ряда авторитарных политических проектов и мобилизационных экономических моделей многие западные интеллектуалы полагали, что этнические (и другие предположительно «примордиальные») идентичности растворятся, уйдут в прошлое [Хабермас, 2002, с. 364–380]. Но этот прогноз не реализовался. И в наши дни мы наблюдаем немало свидетельств того, как утверждается не примат прав отдельного человека и гражданина над групповыми интересами, а обратный процесс укрепления особых коллективных статусов. Этничность (и смежные с ней идентитарные компоненты (нация, раса и религия) актуализировались и породили феномен так называемой «бунтующей идентичности», если перефразировать метафору из известного эссе Альбера Камю о «бунтующем человеке» [Камю, 1990]. Не вдаваясь в теоретико-методологические дискуссии о природе нации, этноса или расы, заметим лишь, что за любыми идентитарными спорами стоят конкретные «бунтующие» люди, движения, общественно-политические силы, по-разному «воображающие» и конструирующие тот идеал, которому должны, по их мнению, соответствовать все упомянутые выше идентичности [Хобсбаум, 2000, с. 47–62]. Всплеск интереса к идентитарным вопросам мы видим повсеместно. Он происходит и в странах «Большой семерки», и в государствах, традиционно имеющих невысокий индекс качества жизни. И в тех, что являются членами НАТО и Европейского союза, и в тех, что выбирают для себя альтернативные модели евразийской интеграции. Весьма символично, что одним из тех, кто привлек экспертное внимание к этому феномену стал никто иной, как вчерашний глашатай «конца истории» Фрэнсис Фукуяма. Всплеску интереса к идентитарным вопросам посвящена его книга «Идентичность: требование достоинства и политика негодования» [Fukuyama, 2018].

«Бунтующая идентичность» имеет множество различных измерений, касающихся, как международных, так и внутривнутриполитических процессов. В свое время,

анализируя генезис исторической науки в постсоветской России и в новых независимых государствах Евразии, Геннадий Бордюгов и Владимир Бухараев, выдвинули тезис об «институционализации и всплеске национальных историографий», где на первый план вместо социально-экономического детерминизма, столь характерного для советских времен выдвинулся этноцентризм, для которого этно-национальный фактор стал «основным критерием исторического познания» [Бордюгов, Бухарев, 2003, с. 21–22]. И этот подход, который можно определить по аналогии с научным коммунизмом, как «научный национализм», во многих странах постсоветского пространства и Восточной Европы получил мощную государственную поддержку. Не только в виде вновь открывшихся кафедр, «мозговых центров», журналов, всего того, что имеет отношение к академическому дискурсу, но и более жестких идеологически ориентированных проектов, таких как «институты национальной памяти», специальные исторических общества и ассоциации, разнообразные медийные программы.

Выдающийся итальянский историк и философ Бенедетто Кроче, говоривший о том, что история в не меньшей степени ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, к которой обращена и которую изучает, оказался прав [Кроче, 1998, с. 2–3]. По словам Марка Ферро, «Александр Невский» Эйзенштейна и «Андрей Рублев» Тарковского, воскрешая русское средневековье, информируют нас один о сталинской России и ее опасениях, связанных с Германией, другой – об СССР брежневских времен, его стремлении обрести свободу и его проблемах в отношениях с Китаем» [Ферро, 2014, с. 7]. Этот ряд можно продолжить и более свежими примерами. Статья Владимира Путина для авторитетного американского журнала «The National Interest», обращаясь к предыстории Второй мировой войны, весьма полезна для понимания представлений современной России о том, какой должна быть система европейской безопасности [Putin, 2020]. Текст с говорящим заголовком «Нет истории без политики», написанный министром иностранных дел ФРГ Хайко Маасом в соавторстве с историком Андреасом Виршингом в мае 2020 г. к 75-летию победы над гитлеровским нацизмом, предупреждает против опасных попыток ревизионизма в отношении к этому событию [Maas, Wirsching, 2020]. Пресловутый «принцип партийности», на излете советской эпохи казавшийся многим исследователям откровенным анахронизмом, без всякого официального манифестирования вновь возвращается в историографию. Только на этот раз не для того, чтобы, следуя указаниям Владимира Ульянова (Ленина) стать «составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы» [Ленин, 1968, с. 99–105], а превратиться в инструмент для сплочения национальных, этнических, расовых и религиозных идентичностей, мобилизацию элит на борьбу за «чистоту» истории и памяти о ней.

Коллектив авторов, взявшихся за написание монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы», решил реализовать сколь сложную, столь и амбициозную в хорошем смысле слова цель – исследовать разнонаправленные практики «воображения»

прошлого в настоящем. Осознавая, что выполнение такой программы может стать попыткой «объять необъятное», исследователи попытались четко очертить географические рамки своего труда. Они взялись за изучение России и восточноевропейских стран, то есть той части мира, которая в годы «холодной войны» составляла один из полюсов ялтинско-потсдамской системы. И этот полюс, представленный СССР, Организацией Варшавского договора и СЭВ по итогам той глобальной конкуренции прекратил свое существование, оказавшись в эпицентре сразу нескольких распадов – Советского Союза, что привело к появлению пятнадцати новых независимых государств, а также шести де-факто образований, не имеющих международного признания или признанных ограниченным количеством стран, системы «социалистического содружества», а также ялтинско-потсдамской системы. И если с «вторым миром» на сегодня все более или менее ясно, то распад СССР и миропорядка, порожденного его победой в составе антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и ее сателлитами, продолжают-ся. Если мы понимаем под таковыми не строго юридический, а исторический процесс. Между тем, и недавний конфликт на Украине, и отсутствие признаваемых общих «правил игры» (что показали нам ситуации вокруг Косова, Абхазии или Южной Осетии) говорят: и формирование новых национально-государственных идентичностей на обломках некогда единой страны, и становление признаваемой всеми легитимной системы международных отношений не завершились. Мы живем в рамках этих незавершенных процессов, осмысливаем их, строим планы с учетом этой реальности.

В этой связи совсем неслучайно, что во введении к монографии профессор Алексей Миллер особо подчеркивает, что «политика памяти» «концептуализирована как сфера, напрямую связанная с вопросами безопасности» (с. 12). Также представляется важным вывод исследователя об усилении таких трендов, как «деглобализация» и «национализация» памяти, смещение фокуса с поиска общих точек примирения и консенсусных нарративов на то, что подчеркивает отличия и разделяет. В то же время подчеркивается наличие конкурирующих версий прошлого в рамках одного государства. Это иллюстрируется на примере двух музеев ГДР, имеющих разные акценты (авторитарный характер восточногерманского государства и «структуры повседневности») (с. 19). Думается, тезис о конкуренции нескольких исторических нарративов можно было бы раскрыть подробнее. Насколько вероятно появление условно «ревизионистских» практик (то есть пересматривающих однозначно негативное восприятие периода 1945–1989 гг.) в отношении к социалистическому наследию в странах-лидерах «бегства от СССР», таких как Польша или балтийские государства? Есть ли шансы вписать в националистический дискурс целый ряд знаменитых фигур, пытавшихся в свое время сочетать верность «социалистическому выбору» с соблюдением национальных интересов? Речь, в первую очередь от Войцехе Ярузельском, Яноше Кадаре, Николае Чаушеску. Насколько вообще долговечны нынешние исторические мифы? И каковы условия должны вызреть для их деконструкции. Развернутые ответы на эти вопросы прибавили бы монографии дополнительной полемичности.

Представленное коллективное исследование имеет шесть разделов. В первом из них рассматриваются «концептуальные аспекты политики памяти». Следует особенно выделить здесь попытку Ольги Малиновой разобрать понятие «режима памяти». По ее словам, «термин режим памяти нередко используется для описания статики и динамики коллективной памяти как на национальном, так и на международном уровнях. Однако ему редко дают определения. Таким образом, он выступает, скорее в качестве интуитивно понятной метафоры, нежели строгого понятия» (с. 30). Исследователь полагает, что режимом памяти может считаться «доминирование одних версий памяти и маргинализация других» (с. 39).

Следующие две главы первого раздела (одна из них подготовлена Ярославой Севастьяновой и Дмитрием Ефременко в соавторстве, а вторая написана индивидуально Дмитрием Ефременко) посвящены таким важным сюжетам, как попытка строительства наднациональных идентичностей в СССР и в Европейском союзе и коллизии между национальным и наднациональным началом. В этом контексте, во-первых, чрезвычайно продуктивной представляется репрезентация советского опыта выстраивания политики памяти, который подается, не как нечто застывшее, примордиальное, ориентированное исключительно на репрессивные практики (что нередко присутствует в исследованиях западных авторов), а как эволюционирующий курс, в котором можно увидеть постоянное балансирование между коммунистическим универсализмом и ситуативной адаптацией имперских и патриотических нарративов для нужд советской коммеморации. Если бы исследование этой темы было бы продолжено, то можно было бы пожелать авторам более детально рассмотреть диалектику собственно советского и имперского нарратива. В современных историографиях постсоветских государств и стран Восточной Европы не принято выяснение общего и особенного в проектах Российская империя и СССР. Они рассматриваются, как нечто преемственное друг с другом. Но Советский Союз, по крайней мере, на официальном уровне такой преемственности не фиксировал, хотя ситуативно обращался в «наследие предков» (вспомним хотя бы популяризацию дореволюционных полководцев и дипломатов в годы Великой Отечественной войны). Во-вторых, чрезвычайно важна попытка Дмитрия Ефременко увидеть в политике памяти ЕС импликация для постсоветского пространства в целом и России в частности. С его точки зрения подчинение стратегии Брюсселя такой цели, как форсированное расширение за счет бывших стран «социалистического лагеря» привело к серии компромиссов вокруг коммеморации трагических событий XX в. В итоге жертвой оказался нарратив памяти о Холокосте (с. 67). Автор делает вывод, что «постепенно отходя от признания ключевой роли общеевропейской ответственности за Холокост и усиливая линию на самовиктимизацию и перенос ответственности на «внешние» тоталитарные силы, инициаторы альтернативной версии политики памяти закладывают основу для новых конфликтов и даже для «войн памяти»» (с. 69). Добавим, что в особенности это актуально для тех постсоветских стран, которые в качестве своего стратегического пути обозначили европейскую интеграцию, но при этом внутри себя так и не научились сглаживать, как актуальные политические противоречия, так и споры вокруг острых сюжетов своего прошлого.

Тем не менее, признавая научную и практическую важность вопросов, поднятых в двух главах первого раздела, нельзя не заметить, что тематически их вряд ли можно отнести к «концептуальным аспектам политики памяти». Советский опыт и опыт Евросоюза в сфере коммеморации имеет отношение, скорее к отдельным «case studies», чем к концептуализации изучаемой научной проблемы. Между тем, в первом разделе ощутимо не хватает специальной главы, которая дала бы развернутое объяснение, что авторы понимают под пространством Восточной Европы, как это понятие соотносится с постсоветским пространством, тем более о сохранении за этим конструктом актуального политического и социально-экономического смысла ведутся активные дискуссии [Эволюция, 2017, с. 8–9]. Сама принадлежность к постсоветскому пространству оспаривается и в Грузии, и на Украине. И в рамках этих споров осмысление памяти прошлого играет значительную роль.

Начиная со второго раздела книги, авторы монографии рассматривают различные институты политики памяти, а также разных мнемонических акторов. Марк Ферро считал, что для лучшего понимания того, что общество думает о себе, и как меняются его представления о прошлом, необходимо «не ограничиваться изучением школьных учебников, комиксов, а попытаться сопоставить их с постулатами современной науки» [Ферро, 2014, с. 7]. Впрочем, верно и обратное. С историей помимо академических специалистов работают журналисты, пропагандисты, пиарщики, лидеры государств, деятели искусства. И во многом представления масс о событиях и деятелях прошлого формируются на основе их работы. По справедливому замечанию Игоря Данилевского, восприятие образа князя Александра Невского в XX в. происходило под влиянием гениального фильма Сергея Эйзенштейна, а не кропотливого изучения древнерусских летописей: «И не важно, что рецензию на литературный сценарий «Русь», лежащий в основе киношедевра, М.Н. Тихомиров озаглавил «Издевка над историей». Для подавляющего большинства граждан России именно этот фильм (если, конечно, не считать школьные учебники для 6 класса) стал основным источником информации о великом предке» [Данилевский, 2005, с. 19].

Во втором разделе книги представлена глава Владимира Лапина, в ней он рассматривает деятельность Российского исторического общества (РИО) и Российского военно-исторического общества (РВИО), которые в последние годы взялись за официальную интерпретацию исторического прошлого нашей страны. По мнению автора, «оба общества всячески демонстрируют свою преемственность со своими дореволюционными практически одноименными «предками», но имеют от них огромные и принципиальные отличия. Покровительство императоров не гарантировало мобилизации больших административных и финансовых ресурсов для обеспечения их деятельности, как это имеет место в современной России» (с. 95).

Интересно, что следующая статья в книге написана как раз главным специалистом научного отдела РВИО Константином Пахалюком. Выше мы уже упоминали тексты на исторические темы, написанные президентом РФ Владимиром Путиным и бундесминистром ФРГ Хайко Маасом. Работа Пахалюка предлагает читателю

ознакомиться с использованием сюжетов прошлого в российской внешней политике в 2012–2018 гг. Именно на этот период пришлось самая масштабная конфронтация между Западом и Россией после окончания «холодной войны» и распадом СССР. Автор делает важный вывод о дефиците новых ценностей в современном мире (с. 102). Как следствие, обостренный интерес к истории. Думается, это лишь часть более сложной проблемы. На наших глазах происходит разрушение старых и формирование новых идентичностей. Как точно отметил известный болгарский политолог Иван Крастев (это мнение было озвучено в декабре 2010 г., но не утратило актуальности), «Европа любит думать о себе как о стабильном континенте, но в действительности здесь за два десятилетия, начиная с 1989 г., было создано и разрушено больше государств, чем в любом регионе мира в любое время. Даже, чем в Африке в период деколонизации 1960-х гг. 15 новых государств появились на месте СССР, 7 на месте бывшей Югославии и 2 на месте Чехословакии. Вдобавок к этому 4 “непризнанные республики” и еще другие, кто хотел бы пойти по их пути» [Крастев, 2010]. И продолжая мысль Крастева, в 2014 г. уже пошли, создав за шесть лет инфраструктуру двух де-факто образований. Таким образом, обращение к истории вызвано, перефразируя Карла Маркса, не только «нищетой ценностей», но и поиском ответа на три базовых идентитарных вопроса «Кто мы? Откуда? Куда идем?» Пока государственные и национальные идентичности находятся в стадии незавершенного транзита, история будет важнейшим элементом актуальных внутри-и-внешнеполитических нарративов.

В фокусе внимания Марлен Ларюэль, Екатерины Махотиной, Даниила Аникина различные аспекты взаимоотношений между властями, НПО, правозащитными структурами и РПЦ (Русской православной церковью) в формировании политики памяти. Все три автора рассматривают эту проблему с различных ракурсов. Но в итоге получается целостная картина, полная нюансов и сложных противоречий. С одной стороны, подчеркивается консервативная и, если угодно, охранительная роль РПЦ, ее смычка с государством в формировании представлений о прошлом (например, история Великой Отечественной войны). Но с другой стороны видно, что наряду с теми же правозащитниками, активно продвигающими тему жертв сталинских репрессий, РПЦ активно говорит о «новомучениках», пострадавших от советского государства. Остается только пожалеть о том, что авторский коллектив прошел мимо такого интересного сюжета, как роль российских исламских структур (а ислам вторая по численности религия в России, его приверженцы имеют в семи регионах страны большинство в составе населения) в выстраивании политики памяти. Между тем, осмысление опыта инкорпорирования мусульманских народов в состав Московского государства и Российской империи, а также взаимодействия исламских духовных управлений и советской власти чрезвычайно важен. Особенно в контексте актуализации евразийского внешнеполитического вектора, отказа от европоцентризма и позиционирования России в качестве особой цивилизации.

Виктория Казьмина, Анастасия Пономарева и Федор Веселов предлагают различные «case studies», посвященные государственным и общественным практикам

коммеморации в современной России (парки «Россия-моя история», проект «Бессмертный полк»). Елена Мелешкина фокусируется на выявлении общего и особенного в политике памяти в посткоммунистических государствах. Наверное, было бы целесообразно поставить эту главу в первый раздел монографии, где предполагалась концептуализация российского и восточноевропейского опыта. Статья Мелешкиной явно выходит за рамки отдельного кейса, содержит ценные обобщающие выводы. Она говорит о типах законов памяти, условиях принятия мемориальных законов в различных посткоммунистических странах. Автор полагает, что в этих государствах «преобладают партикуляристские мемориальные законы, в том числе предусматривающие наказание» (с. 248). Приходится признать, к сожалению, что это не сглаживает, а напротив, укрепляет имеющиеся разделительные линии

Третий раздел книги посвящен локальным и групповым историческим нарративам. Сразу оговоримся. Все представленные тексты написаны на высоком научном уровне. Все привлеченные авторы поднимают актуальные научные и практически значимые вопросы. Но не совсем понятен критерий отбора именно избранных тем. Северный Кавказ, казачество, сибирские и дальневосточные рубежи России, Калининград – российский форпост на Западе. Но при этом отсутствует хотя бы обобщающий текст о Поволжье (где сконцентрированы сразу несколько российских народов-«миллионников», и где в начале 1990-х гг. идентитарные споры были чрезвычайно острыми, особенно в Татарстане). Как бы то ни было, следует особо отметить вывод Амираана Урушадзе, обратившегося к рассмотрению интерпретаций памяти о Кавказской войне, о том, что в России сосуществуют несколько различных нарративов. Особое внимание автор уделяет проблеме «добровольного вхождения» различных российских народов в состав общего государства. Можно согласиться с ним, что некая «вертикаль» в построении единой политики памяти проблематична, более того она всякая попытка навязать ее потенциально конфликтна (с. 278). Но по факту сегодня в России на Северном Кавказе имеется определенное «согласие на несогласие», и память о Шамиле и Байсунгуре Беноевском уживается с памятью о генерале Алексее Ермолове и адмирале Михаиле Лазареве. И было бы интересно посмотреть на это сосуществование более детально. Насколько возможно его сохранение без жесткого навязывания либо дискурсов «деколониации», либо победоносного имперского расширения?

Главы Евгения Кринко и Ольги Рвачевой объединяет история трагического XX столетия на Юге России и воспоминания о ней. В первом случае в фокусе исследовательского внимания оказываются сталинские депортации, а во втором – рассказывание. По мнению Кринко, крайне важно найти оптимальную форму «переработки депортаций в различных формах исторической памяти, и прежде всего в мемориальной культуре» таким образом, чтобы вырваться из плена истории. Не для забвения, а для того, чтобы прошлое не господствовало над настоящим. С его точки зрения, для этого пока что делается недостаточно (с. 303). Рвачева говорит о том, что в постсоветский период в отношении казачества (хотя было бы важно понять, в какой мере «возрожденное» казачество связана с историческим сословием,

ликвидированным большевиками) [Маркедонов, 2005, с. 98–105] «сформировались два основных направления работы памяти, и сложилась модель памяти, состоящая из двух закрепленных образов. Первый – это образ казаков-патриотов, слуг Отечества; второй – образ жертвы, образ страдающего и несправедливо забытого казачества. Такая модель памяти оказалась весьма эффективной... Она позволяет формировать политически актуальные мифы, необходимые как власти, так и казакам». Тот редкий случай, когда виктимизацию удалось дополнить идеей служения Отечеству (с. 321).

Тексты Алексея Михалева и Ивана Пешкова образуют в монографии своеобразный сибирско-дальневосточный цикл. В первом случае рассматриваются кейсы осмысления памяти о русских первопроходцах. По мнению Михалева, допустимо выделить одну общую родовую черту мемориальной культуры в изучаемом регионе – это советский контекст для постсоветских памятников» (с. 335). Статья Пешкова подводит читателя к выводу, что «трудное прошлое продолжает быть актуальным». Автор иллюстрирует это на примере возрождения интереса к деятельности забайкальского казачьего атамана времен гражданской войны Григория Семенова, которое становится «вызовом для общественного спокойствия» (с. 356). Статья Ильи Дементьева на фоне других текстов стоит особняком, поскольку исследование выстраивается не вокруг каких-то общественных или социальных институтов, в вокруг отдельной личности – Николая Арсеньева, русского эмигранта «первой волны», историка, православного мыслителя, жившего в немецком Кенигсберге вплоть до начала наступления Красной Армии в тогдашней Восточной Пруссии. Однако наиболее сложной страницей в его биографии стало его отношение к Третьему рейху. Автор предпринимает интересную попытку рассмотреть сложную идентичность Калининграда-Кенигсберга через трагическую судьбу Арсеньева. В то же время его выводы про то, что «немецкий город, ставший после Второй мировой войны советским, пережил два авторитарных режима», выглядят, как минимум, спорными. Как и всякая попытка поставить знак равенства между гитлеровской Германией и сталинским СССР. Прежде всего потому, что эти страны (какими бы жесткими ни были режимы, управлявшие ими) представляли собой два идеологических полюса (с. 373). И вряд ли «попутное» упоминание «двух авторитаризмов» (почему уж тогда не тоталитаризмов?) прибавило нам понимания всей сложности траекторий калининградско-кенигсберской коммеморации. Тем более, что автор, призывающий к нюансированному пониманию прошлого, явно поспешил со столь широкими обобщениями.

Четвертый раздел коллективной монографии «Медиа и политика памяти» показывает роль средств массовой информации в формировании «воображаемого прошлого». Наверное, этот раздел с точки зрения компоновки материала и целостности восприятия следует признать оптимальным. В нем есть и попытки выстраивания неких концептуальных рамок (глава Юлии Сафроновой), и анализ различных сегментов СМИ. В тексте Анастасии Павловской предлагается рассмотрение репрезентаций прошлого в российских научно-популярных журналах («Родина»,

«Дилетант», «Историк»). Она справедливо указывает на то, что массовые представления о прошлом формируются, прежде всего, этими изданиями, а не специализированными академическими журналами, неизвестными широкому кругу читателей (с. 391). Представить себе современное информационное пространство без блогов, социальных сетей, а также таких популярных жанров, как фэнтези или видеоигры невозможно. Новые мнемонические акторы исследуются в работах Сергея Белова, Всеволода Герасимова и Артемия Плеханова. Но если в первом случае речь идет о появлении новых игроков на поле борьбы за историческую память под воздействием эволюции средств коммуникации в целом, то во втором предлагается исследование конкретного кейса — украинских комиксов. Таким образом, охвачено широкое пространство от концептуализации до отдельных наиболее актуальных примеров влияния медиа на формирование представлений о прошлом.

Пятый раздел посвящен политике памяти в трех государствах европейской части бывшего Советского Союза — Белоруссии, Молдавии и Украине. В фокусе внимания Григория Иоффе национализация белорусского исторического нарратива. По мнению автора, «значительную роль в белорусизации взгляда на историю играет, как ни странно (*хотя, почему странно, любая суверенная страна демонстрирует попытки самостоятельного позиционирования на международной арене, даже если ее ресурсы и относительно невелики — С.М.*) и внешняя политика Беларуси, естественно признающая многообразие и жизненную важность связей с Россией, но мягко и последовательно дистанцирующаяся от того, что многими в Европе воспринимается как российский имперский синдром. Кроме того, историческая память белорусов медленно, но неуклонно «осваивает» элементы западного дискурса, еще недавно ей чуждые» (с. 482). Все это говорит лишь о высокой степени неопределенности перспектив стабилизации белорусского исторического нарратива, связанной, как с персональными изменениями на политическом Олимпе этой страны, так и с международными хитросплетениями в Европе в целом. Профессор Киево-Могилянской академии Георгий Касьянов в своей главе дает анализ украинской политики «декоммунизации». И его наблюдения вдвойне ценны, так как ученый в данном случае обладает еще и преимуществом полевого исследователя, наблюдающего процессы изнутри, видящего их последствия не только для всего общества, но и для себя лично. По мнению Касьянова, украинская коммеморация сегодня — это не политика синтеза (эту модель во всех деталях и красках представил в своей главе Григорий Иоффе), а отталкивание и, если угодно, бегство от советского наследия. Автор полагает, что «такой тип исторической политики, направленный на культурно-политическую гомогенизацию, осуществляемый методами администрирования, политического и бюрократического диктата, как показало время, может быть эффективным лишь в моноидеологических, авторитарных системах и только в определенный исторический период» (с. 519). К сожалению, отнюдь не праздный вопрос, увидим ли мы новую украинскую политику через десять или двадцать лет, остался без развернутого ответа. Своеобразный украинский «мини-цикл» раздела продолжает статья Артемия Плеханова, посвященная Институту национальной памяти, как своеобразному законодателю и защитнику стандартов исторической

политики Украины. Автор полагает, что «репрезентируя националистический, эксклюзивный нарратив украинской истории, с опорой на западноукраинские исторические нарративные паттерны», Украинский институт национальной памяти «принял активное участие в уничтожении и вытеснении в “подполье” альтернативных исторических нарративов, используя тесную связь с силовыми органами и органами судопроизводства в ходе декоммунизации» (с. 540). И, наконец, в статье Анастасии Фелькер представлен опыт молдавской коммеморации постсоветского периода на примере музеев Кишинева. В современных исследованиях по внутренней и внешней политике Молдавии общим местом стали выводы о расколе политического класса этой страны, борьбе внутри не «политических, а геополитических партий». Фелькер показывает, что этот тренд развивается и в музейной практике, где приоритеты политики памяти подчиняются логике внутренней борьбы властей и оппозиции, которые к тому же часто меняются ролями.

Шестой, последний раздел монографии с полным основанием можно назвать таковым по порядку, но не по важности, ибо он посвящен выстраиванию политики памяти в непризнанных республиках постсоветского пространства, то есть тех образованиях, которые были порождены этнополитическими противостояниями и строят свою идентичность в рамках неурегулированных конфликтов, в которые вовлечены и внешние игроки. И сами конфликты в последние годы превратились из изначально этнополитических в арены конфронтации России и Запада. Глава Александра Вороновича и Анастасии Фелькер посвящена кейсу Приднестровья, а текст Елены Бабкиной – «народным республикам» Донбасса. В тексте Александра Вороновича, завершающем не только раздел, но и книгу в целом, дается сравнительный анализ политики памяти в Приднестровье и в Л/ДНР. Выводы авторов относительно общего и особенно в понимании «чужого» и «своего», непростых коллизий между гражданским и этническим началом на Днестре и в Донбассе чрезвычайно ценны, как и попытки Вороновича выйти за рамки двух упомянутых выше кейсов и сравнить их с опытом Абхазии. Однако книге в целом явно не хватает отдельных глав, посвященных де-факто образованиям Закавказья, а также Балкан. Широкая сравнительная палитра лишь усилила бы книгу.

Таким образом, коллективная монография «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» – издание, которое будет востребовано, как академическим сообществом, так и практиками (дипломатами, представителями гражданского общества России и постсоветских государств). Книгу легко критиковать за то, чего в ней нет. Но даже намек на подобную критику можно было бы избежать, заявив авторы более четко границы своего исследования. Если речь о Восточной Европе, то почему отсутствует развернутый анализ польских или прибалтийских кейсов? Если мы говорим о постсоветском пространстве, то без анализа самого конфликтного региона Кавказского общая картина очевидно будет неполной. В какой степени уместным было бы обращение к Балканам, где борьба за память сегодня более, чем актуальна? И требует, пожалуй, отдельной многотомной монографии. Но символическое влияние

кейсов Косова или Сербской Краины на практически любой постсоветский нарратив (включая и российский) достаточно весомо, чтобы пройти мимо него. Также вызывают вопросы и критерии отбора того или иного региона внутри РФ. Наверное, стоило бы, говоря о практиках коммеморации, обозначить дилеммы для академической историографии, ее ответственность за «секьюритизацию» памяти и фактическое включение истории в инструментарий актуальной политики. Определи авторский коллектив четкие границы исследования и задай более точную концептуальную рамку, монография бы от этого только выиграла.

И, тем не менее, сама попытка обращения к столь щепетильной теме, как политика памяти, представляется крайне важной. В особенности же стремление систематизировать столь многочисленные вопросы, возникающие вокруг мнемонических практик. Авторам удалось сделать серьезный научный задел. Остается пожелать лишь, чтобы коллектив продолжил начатую работу и опубликовал в ближайшем будущем новые исследования о политике памяти в России и восточноевропейских странах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 21–72.

Данилевский И.Н. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // «Цель времен»: *Проблемы исторического сознания*. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119–132.

Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке // *Caucasus Times*. Прага. 2020. 9 декабря. URL: <https://caucasustimes.com/ru/ivan-krastev-o-rossijskih-strahah-i-ev/> (дата обращения – 30 июля 2020 г.).

Камю А. *Бунтующий человек*. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Кроче Б. *Теория и история историографии*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. С. 99–105.

Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? (Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 95–108.

Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. Т. 2. *Постсоветские государства*. СПб.: Алетей, 2017. 428 с.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб 36.6, 2014. 461 с.

Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 364–380.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.

Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НП РСМД, 2017. 384 с.

Fukuyama F. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. Farrar, Straus and Giroux. 2018. 240 p.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 464 p.

Maas H., Wirsching A. Keine Politik ohne Geschichte // *Der Spiegel Politik*. 2020. Mai 7 URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/keine-politik-ohne-geschichte-a-d74deffe-c0f3-4ff7-a6af-dc713e74c6f3> (дата обращения – 07 августа 2020 г.).

Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // *The National Interest*. 2020. June 18. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (дата обращения – 01 августа 2020 г.).

REFERENCES

Bordjugov G.A., Buharaev V.M. Nacional'naja istoricheskaja mysl' v uslovijah sovetskogo vremeni [National historical thought in the Soviet era], in *Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskij gosudarstvah* [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. Ed. by K. Ajmermahera, G. Bordjugova. Izd. 2-e, ispr. i dopoln. Moscow: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-HH, 2003. Pp. 21–72 (in Russian).

Danilevskij I.N. Aleksandr Nevskij: Paradoksy istoricheskoi pamjati [Alexander Nevsky: Paradoxes of historical memory], in *"Cep' vremen": Problemy istoricheskogo soznanija* ["Chain of Times": Problems of Historical Consciousness]. Moscow: IVI RAN, 2005. Pp. 119–132 (in Russian).

Ivan Krastev o rossijskij strahah i evropejskom porjadke [Ivan Krastev on Russian fears and the European order], in *Caucasus Times*. Praga. 2020. 9 December. Available at: <https://caucasustimes.com/ru/ivan-krastev-o-rossijskij-strahah-i-ev/> (accessed 30 July 2020).

Kamju A. *Buntjushhij chelovek* [The rebellious man]. Moscow: Politizdat, 1990. 415 p. (in Russian).

Kroche B. *Teorija i istorija istoriografii* [Theory and history of historiography]. Moscow: Shkola "Jazyki russoj kul'tury", 1998. 192 p. (in Russian).

Lenin V.I. Partijnaja organizacija i partijnaja literature [Party organization and party literature], in Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. T. 12. Moscow: Politizdat, 1968. Pp. 99–105 (in Russian).

Markedonov S.M. Kazachestvo: edinstvo ili mnogoobrazie? (Problemy terminologii i tipologizacii kazach'ih soobshhestv) [Cossacks: Unity or Diversity? (Problems of

terminology and typology of Cossack communities)], in *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. № 1. Pp. 95–108 (in Russian).

Postsocialisticheskij mir: itogi transformacii [Post-socialist world: results of transformation]. Ed. by S.P. Glinkinoy: v 3 t. T. 2. Postsovetskie gosudarstva [Post-Soviet states]. SPb.: Aletejja, 2017. 428 p. (in Russian).

Ferro M. *Kak rasskazyvajut istoriju detjam v raznyh stranah mira* [How to tell a history to children in different countries of the world]. Moscow: Knizhnyj Klub 36.6, 2014. 461 p. (in Russian).

Habermas Ju. *Evropejskoe nacional'noe gosudarstvo: ego dostizhenija i predely. O proshlom i budushhem suvereniteta i grazhdanstva* [The European nation state: its achievements and limits. On the past and future of sovereignty and citizenship], in *Nacii i nacionalizm*. Moscow: Praksis, 2002. Pp. 364–380 (in Russian).

Hobsbaum Je. *Izobretenie tradicij* [The invention of tradition], in *Vestnik Evrazii*. 2000. № 1. Pp. 47–62 (in Russian).

Jevoljucija postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastojashhee, budushhee [Evolution of the post-Soviet space: past, present, and future]. Moscow: NP RSMD, 2017. 384 p. (in Russian).

Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Farrar, Straus and Giroux. 2018. 240 p.

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992. 464 p.

Maas H., Wirsching A. Keine Politik ohne Geschichte, in *Der Spiegel Politik*. 2020. May 7. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/keine-politik-ohne-geschichte-a-d74deffe-c0f3-4ff7-a6af-dc713e74c6f3> (accessed 07 August 2020).

Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest. 2020. June 18. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (accessed 01 August 2020).

В.А. Шнирельман

Мобилизованная память и конфликты

Изучение социальной памяти в нашей стране стало результатом двух импульсов: с одной стороны, возникновения в ходе распада СССР свободного исторического дискурса, породившего феномен альтернативной истории, а с другой, открытости страны для новых знаний и теоретических идей, идущих с Запада. Яростные споры об истории, происходившие на рубеже 1980–1990-х гг., заставили задуматься о том, что за ними стоит. И стало ясно, что речь идет об огромной инструментальной роли социальной памяти как мощного рычага мобилизации масс. В те годы альтернативная история более всего апеллировала к идеям национализма, и именно тогда я

обратился к анализу роли этногенетического мифа в текущих политических процессах [Shnirelman, 1993a; Shnirelman, 1993b]. Надеюсь на получение финансовой поддержки для проведения такого рода исследований, я в 1993 г. отправился в недавно открывшийся Московский центр Карнеги, где поделился своими идеями с Г.А. Бордюговым, курировавшим там область научных исследований. Он меня внимательно выслушал и обещал подумать. Но ответа от него я так и не дождался. Каково же было мое удивление, когда в конце 1990-х гг. он вместе с немецкими коллегами выпустил том о национальных историях [Аймермахер, Бордюгов, 1999], то есть именно о том, о чем я ему когда-то говорил.

Тем временем в 1994 г. мне довелось получить приглашение из Центра Вудро Вильсона (Вашингтон), где я за два месяца написал книгу о войнах памяти и политике в Среднем Поволжье [Shnirelman, 1996]. Параллельно я уже тогда начал заниматься изучением роли войн памяти в тяжелых конфликтах на Северном [Шнирельман, 1996] и Южном Кавказе [Shnirelman, 1998] и в 1998 г. выступил на семинаре в МГУ с докладом, обобщающим имеющиеся тогда данные о конфликтности социальной памяти и ее использовании в исторической политике на постсоветском пространстве [Шнирельман, 1999; о сокращенном варианте этой работы см.: Шнирельман, 2000a]. Так в России и началось изучение политики памяти.

Новый этапом стала первая половина нулевых, когда к этой тематике обратились историки и политологи. Среди них исследовательской и организаторской активностью отличался А.И. Миллер, выпустивший с тех пор несколько полезных сборников, многосторонне освещавших проблемы исторической политики. Последнему из них и посвящена данная рецензия.

Книга состоит из шести разделов. Она начинается обсуждением общих теоретических проблем социальной памяти, а также особенностей национального и наднационального как в Евросоюзе, так и в СССР и современной России. В частности, болезненный вопрос касается дефиниций. В данном томе их обсуждают только О.Ю. Малинова и Г.В. Касьянов, но дают разное решение. Примечательно, что остальных авторов тома точность дефиниций не заботит, и это характеризует нынешнее состояние дел в области изучения социальной памяти.

Далее речь идет об институтах политики памяти и ее акторах, причем преимущественно рассматриваются государство и некоторые его институты, а также религиозные организации. Но, к сожалению, мало внимания уделяется политическим партиям и движениям (участие политических партий в войнах памяти анализируется лишь в главе о Приднестровье). Упущен и вопрос о таком важном институте политики памяти как школа, а между тем специалисты давно этим занимаются, в том числе динамикой образов истории в российских школьных учебниках [Шнирельман, 2000b; Шнирельман, 2004; Shnirelman, 2009; Shnirelman, 2019].

Впрочем, некоторые авторы тома затрагивают роль НКО, которые иной раз проводят свою собственную политику памяти, примером чего служит «Мемориал» (об

этом упоминают Е.И. Махотина и Ф.Д. Веселов). Рассматриваются и важные общественные инициативы, не связанные с государством: А.М. Понамарева касается такой темы на примере «Бессмертного полка», а Ф.Д. Веселов анализирует движение «Последний адрес».

В книге обсуждаются локальные и групповые исторические нарративы, хотя правильнее было бы использовать термин «региональные», так как Северный Кавказ и Забайкалье — это огромные регионы, внутри которых есть, разумеется, и локальные нарративы, но они здесь не затрагиваются. В региональном разделе отсутствует обсуждение таких важных регионов как Поволжье и Приуралье, Карелия, Сибирь (например, Саха-Якутия, Хакассия, Алтай, Тува), а также Дальний Восток, за исключением Забайкалья. Правда, в книге анализируются материалы о Бурятии, но только в применении к проблеме «первопроходцев» и казачества (А.В. Михалев). И лишь на примере Бурятии говорится о конфликте этнических версий истории (русской, бурятской, эвенкийской), а ведь это — много более широкая системная проблема, и ее можно было бы более полно обсудить с привлечением и других примеров.

А в республиках Северного Кавказа внимание авторов привлекли только Кавказская война и депортация, хотя там есть и другие важные сюжеты. Что же касается групп, то авторов тома заинтересовали преимущественно казаки. На удивление, из внимания О.В. Рвачевой, анализировавшей память донских казаков, выпали интересные работы С.М. Маркедонова и Д.В. Сеня, уже писавших о казачьем историческом мифотворчестве.

Важный раздел книги посвящен роли СМИ, практически неисчерпаемой теме. Именно здесь большое внимание уделено теории (Ю.А. Сафронова). Кроме того, в этом разделе есть оригинальные статьи о видеоиграх (С.И. Белов) и комиксах (В.К. Герасимов, А.А. Плеханов).

Специальный раздел посвящен политике памяти в Белоруссии (почему не в Беларуси? Ведь автор статьи Г.В. Иоффе использует именно этот термин), Украине и Молдове, а также в непризнанных республиках постсоветского пространства. В своем анализе памяти непризнанных республик, авторы обошли своим вниманием Абхазию (этого региона немного касается лишь А.А. Воронович), Южную Осетию и Карабах. Конечно, одна монография, пусть и коллективная, неспособна охватить всю эту безбрежную проблематику. Но можно было бы упомянуть об этих регионах во вступительной статье, хотя бы со ссылкой на уже имеющиеся по такой проблематике исследования. Тем более, что в сравнении с теми, рассмотренные в теме регионы действительно имеют свою специфику, связанную со своеобразной «интернациональной памятью», отсылающей к советскому дискурсу (Е.А. Бабкина, А.А. Воронович), кстати, включающему и советский «антисемитизм» [Шнирельман, 2016], что авторы соответствующих разделов, к сожалению, оставили за скобками.

Важной темой, интенсивно обсуждаемой специалистами по социальной памяти, является забвение, но в данной книге мало кто из авторов анализирует этот

вопрос детально (но см. статьи И.О. Дементьева о Калининграде и А.В. Фелькер о Молдове).

Не вполне точно и название книги: речь в ней идет не о странах Восточной Европы, а о новых государствах, появившихся в результате распада СССР, а это — особая тема со своей постсоветской спецификой. Поэтому обсуждения заслуживали отличия социальной памяти в таких государствах от зарубежной восточноевропейской модели. Такие отличия, безусловно, есть, и связаны они прежде всего с общим советским историческим опытом и постсоветским отношением к нему.

Во вступительной статье А.И. Миллер сконцентрировался на новых поворотах политики памяти, происходящих на наших глазах. Целью книги он называет исследование «политического использования прошлого в современной России», причем речь идет о тенденциях последних лет (с. 8). Он подчеркивает важность учета соотношения партикулярных (региональных, групповых) нарративов с общенациональным («большим российским»). Но если речь идет о современной России, правильнее было бы сфокусироваться на российских регионах, а не на Беларуси, Украине и Молдове, тем более что это — не новая тема: о политике памяти в российских регионах и о ее соотношении с общефедеральной уже имеется обширная научная литература [кроме работ, упомянутых выше, см.: Карагезов, 2005].

Миллер видит современные изменения в европейской политике памяти в смещении акцента от Холокоста к теме «двух тоталитаризмов» (с. 9). Он правильно подчеркивает, что восточноевропейская социальная память основана на (этно) национализме, и это не укладывается в каноны космополитического консенсуса, выработанного в последние десятилетия в Западной Европе (с. 10–11).

Он также верно замечает, что «политика идентичности» использует историческую память. Но это — далеко не новое явление. Оно встречалось во многих странах и регионах на протяжении XX в. По сути, само формирование национальных республик в составе СССР требовало подтверждения права на такую республику ссылкой на длительную историческую перспективу. Вовсе не случайно после принятия Конституции 1936 г. историкам республик было дано задание написать учебники по их истории. В этом и проявилось использование исторического нарратива не только для подтверждения наличия этнической общности, но и для ее конструирования, о чем упоминают Я.В. Севастьянова и Д.В. Ефременко.

Причем внутри общности неизбежно обнаруживались «конституирующие другие» (скажем, лезгины и кумыки в Дагестане, кряшены в Татарстане, эвенки в Бурятии и пр.). То же происходило и в Европе, например, на Балканах в 1990-х гг., взять хотя бы спор Македонии и Греции из-за македонского исторического нарратива. И все это происходило задолго до тех процессов, которые описывает Миллер.

Вместе с тем, с ним нельзя не согласиться в том, что ученые также становятся участниками политики памяти (с. 15–16), хотя некоторым историкам это неприятно, и они это отрицают. Но и об этом уже имеются интересные исследования [см.

о Грузии: Hewitt, 1998; о Северном Кавказе: Шнирельман, 2006; такие работы есть также о Балканах, о Румынии].

Миллер правильно противопоставляет обезличенные мемориалы памяти жертв репрессий, созданные государством, индивидуальному компоненту на соответствующих памятниках, возведенных по инициативе общественности (с. 21).

Вместе с тем, к сожалению, он следует довольно узкому подходу к современной политике памяти с упором только на ключевые события XX в. Поэтому, его кругозор ограничивается «спором историков» в Германии и трудами Пьера Нора во Франции. В результате, отмечая, что выстраивание общего нарратива, отражающего «правильный» подход к прошлому, требовало подавления иных точек зрения, он фактически выносит за скобки ведущееся десятилетиями обсуждение именно «иных нарративов», расходящихся с общенациональным. Об этом многие исследователи памяти неоднократно писали, начиная с 1980-х гг. Это — очень важная проблема, непременно включающая и тему конфликтов, которые не ограничиваются риторикой, но иногда вступают в горячую фазу, как показали события 1990-х гг. на Балканах и на Кавказе, а еще раньше — в Ольстере. В отношении регионов России такие исследования проводились еще в 1990-х гг., и их результаты неоднократно публиковались.

Надо сказать, что как раз для России описаны интересные случаи конфликтов региональных нарративов. Поэтому, вопреки Миллеру (с. 14–15), о «разных памятях» и об их роли в «производстве идентичностей» и в конфликтах исследователи начали писать задолго до 2014 г. Скажем, конфликт региональной и федеральной памяти хорошо виден на динамике отношения к имаму Шамилю на Северном Кавказе и в федеральном центре, а также на судьбе памятника генералу Ермолову в Грозном в течение XX в. [Шнирельман, 2006; Шнирельман, 2015]. Как показывает Урушадзе, эта тема и ныне сохраняет свою остроту.

Конфликт нарративов — это едва ли не ключевая тема, сопровождавшая формирование проблематики социальной памяти с 1980-х гг. Причем в таком конфликте участвуют далеко не только государство, казаки и церковь, которыми ограничились авторы книги.

Конфликтность имманентно присуща социальной памяти. Она выступает на трех уровнях: расхождение федеральной версии истории с республиканскими (этнонациональными); республиканских (этнонациональных) версий друг с другом; республиканских (этнонациональных) версий и версий этнических меньшинств (скажем, казанских татар и крышен в Татарстане или башкир и татар в Башкортостане). Причем если столкновение федеральной и республиканских (этнонациональных) версий происходит, за некоторыми исключениями, на почве истории XX в., то для остальных много важных сюжетов обнаруживается в более отдаленной древности.

Так, если, судя по всероссийским социологическим опросам, главные сюжеты современного федерального исторического дискурса касаются Великой Отечественной войны, то в регионах имеются и другие остро дискуссионные

темы. В обсуждаемой книге это иллюстрирует пример Забайкалья (А. В. Михалев, И. О. Пешков), где до сих пор яростные споры вызывают интерпретация гражданской войны, а также проблема «первопроходцев». Сходную тенденцию можно найти и в других русских регионах [Шнирельман, 2009]. Так, О. В. Рвачева упоминает о том, что и в Краснодарском крае память о гражданской войне вызывает споры.

А вот в республиках Северного Кавказа, как показывают А. Т. Урушадзе и Е. Ф. Кринко, во взаимоотношениях с центром делается акцент на Кавказской войне и депортации времен Великой Отечественной войны. Но в местных региональных конфликтах более важным оказывается обращение к средневековой или еще более ранней истории [Шнирельман, 2006; Shnirelman, 2018].

Причем участников конфликтов заботят проблемы, выходящие далеко за рамки исторических нарративов. Так, для Северного Кавказа речь идет о территориальных конфликтах, но идеологически они нередко оформляются в виде таких нарративов. При этом конфликтной памяти иной раз способствует невнятная политика федерального центра. На это справедливо указывает Урушадзе на примере обращения Б. Н. Ельцина к народам Кавказа в 1994 г.

С учетом всего этого следует скорректировать убеждение Миллера в том, что формирование институциональной среды политики памяти в России сработало с некоторым запозданием по отношению к Европе (с. 16) и что «институциональное измерение политики памяти в России лишь начало разворачиваться» (с. 22). Ведь это справедливо лишь для федерального уровня. А в регионах интенсивное использование памяти в политике, включая институционализацию памяти, обнаруживается много раньше. Это началось в республиках еще в конце 1980-х гг., хотя федеральные историки в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и пр. держались в стороне от этого до начала 2000-х гг. Поэтому следовало бы говорить о запаздывании федеральной институциональной среды по отношению не к Европе, а к республикам. В Казани, например, еще в 1996 г. произошел раскол единого Института языка, литературы и истории, и был образован Институт истории Академии наук Татарстана как идеологический центр, где и занимались политикой памяти. В республиках Северного Кавказа (в Чечне и Ингушетии) еще в 1990-х гг. были возведены монументы в память депортации, и рядом с ними начались ежегодные церемонии поминовения (об этом говорится в статье Е. Ф. Кринко).

Что касается музеев, то и здесь Миллер ограничивается экспозициями по XX в. Если бы он обратился к республиканским музеям, он бы нашел там более пеструю палитру, связанную с массой иных нарративов. Еще больше его бы удивил частный Музей славянской мифологии в Томске, где он обнаружил бы весьма оригинальную интерпретацию раннеславянской истории [Шнирельман, 2012, с. 181–182]. Что же касается «переосмысления музея не как в первую очередь хранителя артефактов, а как пространства репрезентации нарратива» (с. 18), то такой эксперимент был проведен в СССР еще в 1930-х гг., но большого успеха тогда не имел, и во второй половине 1930-х гг. музеи вернулись к традиционным практикам.

Говоря о необходимости научного журнала, освещающего проблематику памяти, Миллер забывает, что в России такие журналы уже есть – «Историческая экспертиза» и «Новое прошлое / The New Past».

Рассматриваемый том содержит много новых интересных материалов, обогащающих наши знания о политике памяти, хотя не со всеми выводами авторов можно согласиться. Например, сомнительно, что «общерусское национальное самосознание» имело в досоветское время за пределами той версии, которая была свойственна немногочисленному образованному классу (с. 48–49). Ведь общее самосознание складывалось в советской форме и окончательно сложилось лишь в годы Великой Отечественной войны. Что же касается периода ВОВ, то тогда поддерживался не только общесоветский (русский) метанарратив, но и этнонациональные. Неясно, как советский метанарратив способствовал формированию и укреплению идентичности «титულных наций» в республиках (с. 59). Как отмечалось выше, республиканские нарративы часто находились в конфликте как с общесоветским метанарративом, так и друг с другом.

Примечательно, что некоторые трудные и неоднозначные вопросы вызывают у авторов тома различные оценки. Так, если Д.В. Ефременко взваливает всю вину за «антироссийскую интерпретацию» нацизма и коммунизма на Европу, то Е.Ю. Мелешкина объясняет всплеск конфронтационной памяти в Европе агрессивностью российской пропаганды. Очевидно, это расхождение можно было прокомментировать во введении.

Неоднозначно представлены и материалы о казачестве. Так, О.В. Рвачева рисует его достаточно однородной массой, хотя и упоминает, что в составе донского казачества имелся калмыцкий компонент. Ее внимание привлекают прежде всего донские, кубанские и оренбургские казаки, но, на удивление, она обходит молчанием терских казаков. Но далее Михалев указывает, что первыми казаками в Забайкалье были эвенки, а И.О. Пешков пишет о бурятском компоненте в составе казачества. Поэтому вовсе не случайно вопрос о «казацком этносе» вызывает бурные споры.

К сожалению, в томе встречаются и прямые ошибки. Например, разногласия Русской православной церкви с государством по поводу убийства царской семьи заключаются не в том, что будто бы РПЦ не признает убийство в Ипатьевском доме (с. 132), – о месте расстрела никто не спорит, а в том, что по данным расследования, захоронение останков было произведено не у Ганиной Ямы, где сегодня выстроен храмовый комплекс, а в Поросенковом Логе в 3,5 км оттуда. Также неверно, что исторический парк на ВДНХ открылся в 2013 (с. 140). Это началось в 2015 г., когда туда свезли две первые выставки.

Таким образом, новый том, разумеется, вызовет споры, но он и привлечет внимание специалистов массой вводимых в оборот новых материалов и в целом их добротным анализом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. Аймермахер К., Бордюгов Г. М.: АИРО-XX, 1999. 445 с.
- Карагезов Р. Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе. Баку: Нурлан, 2005. 388 с.
- Шнирельман В. А. Борьба за аланское наследие // *Восток*. 1996. № 5. С. 100–113.
- Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // *Теоретические проблемы исторических исследований*. Под ред. Е. Пивовар. М.: МГУ, 1999. Вып. 2. С. 118–147.
- Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // *Реальность этнических мифов*. Под ред. А. Малашенко, М. Б. Олкотт. М.: Гендальф, 2000а. С. 12–33.
- Шнирельман В. А. В поисках престижных предков. Этнонационализм и школьные учебники // *Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. Материалы международной конференции, Москва, 15–17 сентября 1998*. Под ред. К. Пелленс и др. М.: ИВИ РАН, 2000b. С. 151–166.
- Шнирельман В. А. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных учебниках // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 37. С. 79–87.
- Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 690 с.
- Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти // *Политическая концептология*. 2009. № 2. С. 209–230.
- Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012. 302 с.
- Шнирельман В. А. Кавказская война и социальная память // *Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (16 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону)*. Под ред. В. В. Черноус и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. С. 256–261.
- Шнирельман В. А. «Майдан» как «хазарский заговор» // *Хазарский альманах*. 2016. № 14. С. 285–321.
- Hewitt B. G. The role of scholars in the Abkhazians' loss of trust in the Georgians and how to remedy the situation // *Caucasus: war and peace. The New World disorder and Caucasus*. Ed. by Mehmet Tutuncu. Haarlem: SOTA, 1998. Pp. 115–125.
- Shnirelman V. A. Archaeology and Ethnopolitics: why Soviet archaeologists were so involved in ethnogenetic studies // *Interpreting the Past: presenting archaeological sites to the public*. Ed. by Ann Killebrew. Univ. of Haifa Publications, 1993a. Pp. 55–67.
- Shnirelman V. A. Struggle for past: ethnogenetic studies and politics in the USSR // *13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*. Abstracts. Mexico City, July 29–August 1, 1993b. P. 420.

Shnirelman V.A. *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington, D. C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

Shnirelman V.A. National identity and myths of ethnogenesis in Transcaucasia // Graham Smith et al. *Nation building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 48–66.

Shnirelman V.A. Stigmatized by history or by historians? Peoples of Russia in the school textbooks in history // *History and Memory*. 2009. Vol. 21. № 2. Pp. 110–149.

Shnirelman V.A. The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. № 6. Pp. 966–990.

Shnirelman V.A. Russia // *The Palgrave Handbook of Conflict and History Education in the Post-Cold War Era*. Ed. by Luigi Cajani, Simone Lässig and Maria Repoussi. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. Pp. 501–526.

REFERENCES

Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskih gosudarstvah [National histories in Soviet and post-Soviet states]. Ed. by Ajmermaher K., Bordjugov G. Moscow: AIRO-XX, 1999. 445 p. (in Russian).

Karagezov R. *Metamorfozy kollektivnoj pamjati v Rossii i na Central'nom Kavkaze* [Metamorphoses of collective memory in Russia and the Central Caucasus]. Baku: Nurlan, 2005. 388 p. (in Russian).

Shnirel'man V. A. Bor'ba za alanskoe nasledie [Fighting for Alanian heritage], in *Vostok*. 1996. № 5. Pp. 100–113 (in Russian).

Shnirel'man V.A. Nacional'nye simvolj, jetnoistoricheskie mify i jetnopolitika [National symbols, ethno-historical myths and ethnopoltics], in *Teoreticheskie problemy istoricheskij issledovanij* [Theoretical problems of historical research]. Ed. by E. Pivovar. Moscow: MGU, 1999. Vyp. 2. Pp. 118–147 (in Russian).

Shnirel'man V.A. Cennost' proshlogo: jetnocentristskie istoricheskie mify, identichnost' i jetnopolitika [Value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopoltics], in *Real'nost' jetnicheskij mifov* [Reality of ethnic myths]. Ed. by A. Malashenko, M.B. Olkott. Moscow: Gendal'f, 2000a. Pp. 12–33 (in Russian).

Shnirel'man V.A. V poiskah prestizhnyh predkov. Jetnonacionalizm i shkol'nye uchebniki [In search of prestigious ancestors. Ethno-nationalism and school textbooks], in *Otvetstvennost' istorika: prepodavanje istorii v globalizirujushhemsja obshhestve. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 15–17 sentjabrja 1998* [The Responsibility of the Historian: Teaching History in a Globalizing Society. Materials of the international conference, Moscow, September 15–17, 1998]. Ed. by K. Pellens i dr. Moscow: IVI RAN, 2000b. Pp. 151–166 (in Russian).

Shnirel'man V.A. Ocharovanie sedoj drevnosti: mify o proishozhdenii v sovremennyh uchebnikah [The charm of grey antiquity: myths about origins in modern textbooks], in *Neprikosnovennyj zapas*. 2004. № 37. Pp. 79–87 (in Russian).

Shnirel'man V.A. *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [To be Alanians. Intellectuals and politicians in the North Caucasus in the XX century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 690 p. (in Russian).

Shnirel'man V.A. Identichnost' i politika postsovetskoj pamjati [Identity and politics of post-Soviet memory], in *Politicheskaja konceptologija*. 2009. № 2. Pp. 209–230 (in Russian).

Shnirel'man V.A. *Russkoe rodnoverie: neojazychestvo i nacionalizm v sovremennoj Rossii* [Russian Native Faith: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia]. Moscow: BBI, 2012. 302 p. (in Russian).

Shnirel'man V.A. Kavkazskaja vojna i social'naja pamjat' [Caucasian War and Social Memory], in *Materialy III Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov "Russko-kavkazskie otnoshenija: ot pervyh kontaktov do sovremennogo edinstva" (16 nojabrja 2015 g., g. Rostov-na-Donu)* [Materials of the III International Forum of Historians-Caucasian Studies "Russian-Caucasian relations: from the first contacts to modern unity" (November 16, 2015, Rostov-on-Don)]. Ed. by V.V. Chernous i dr. Rostov-na-Donu: Izd-vo Fond nauki i obrazovanija, 2015. Pp. 256–261 (in Russian).

Shnirel'man V.A. "Majdan" kak "hazarskij zagovor" ["Maidan" as "Khazar conspiracy"], in *Hazarskij al'manah*. 2016. № 14. Pp. 285–321 (in Russian).

Hewitt B.G. The role of scholars in the Abkhazians' loss of trust in the Georgians and how to remedy the situation, in *Caucasus: war and peace. The New World disorder and Caucasus*. Ed. by Mehmet Tutuncu. Haarlem: SOTA, 1998. Pp. 115–125.

Shnirelman V.A. Archaeology and Ethnopolitics: why Soviet archaeologists were so involved in ethnogenetic studies, in *Interpreting the Past: presenting archaeological sites to the public*. Ed. by Ann Killebrew. Univ. of Haifa Publications, 1993a. Pp. 55–67.

Shnirelman V.A. Struggle for past: ethnogenetic studies and politics in the USSR, in *13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*. Abstracts. Mexico City, July 29–August 1, 1993b. P. 420.

Shnirelman V.A. *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington, D.C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

Shnirelman V.A. National identity and myths of ethnogenesis in Transcaucasia, in Graham Smith et al. *Nation building in the post-Soviet borderlands: the politics of national identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 48–66.

Shnirelman V.A. Stigmatized by history or by historians? Peoples of Russia in the school textbooks in history, in *History and Memory*. 2009. Vol. 21. № 2. Pp. 110–149.

Shnirelman V.A. The politics of the past in Dagestan: national unity and symbolic revolt, in *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70. № 6. Pp. 966–990.

Shnirelman V.A. Russia, in *The Palgrave Handbook of Conflict and History Education in the Post-Cold War Era*. Ed. by Luigi Cajani, Simone Lässig and Maria Repoussi. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. Pp. 501–526.

Л.А. Фадеева

Как понимать и оценивать политику памяти и идентичности?

«Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» [Политика памяти в современной России..., 2020] представляет собой коллективную монографию, авторы которой используют (развивают) методологические подходы и аналитический инструментарий, свидетельствующие о близости их научных (и не только) позиций. Монография явилась закономерным продолжением изданного в 2018 г. сборника научных трудов «Методологические вопросы изучения политики памяти» [Методологические вопросы изучения политики памяти, 2018] и демонстрирует серьезное продвижение как в методологических поисках, так и в анализе конкретных кейсов, представленных чрезвычайно широко.

Стремясь отразить максимально кратко, я бы хотела остановиться на нескольких принципиально важных для меня как исследователя моментах в предлагаемых авторами подходах. Название монографии наукообразное, нейтральное, однако, все авторы фокусируют внимание на острых конфликтных пунктах изучения политики памяти. Если в предыдущем издании А.И. Миллер говорил о необходимости скептического пересмотра общих мест и ожиданий, конфликтности подходов, сложности согласования нормативного характера политики культуры памяти, поскольку нормативы разные, то уже во вводной главе к коллективной монографии остро поставлен вопрос о секьюритизации политики памяти, включении ее в политический дискурс и связанной с этим острой конфликтности, борьбе, войнах памятников. Действительно, геополитические процессы создают новое измерение политики памяти, что находит отражение в оценке и трактовке исторических событий [Фадеева, Плотников, 2019]. О.Ю. Малинова обращает внимание на борьбу за смыслы, наследие рассматривается все чаще в категориях трудного, противоречивого, оспариваемого. Д.В. Ефременко делает выводы о разъединяющей роли актуальной версии политики памяти в странах-членах Европейского союза, используя такие определения, как клинч идентичностей, конфликты национальных исторических памятней.

Мне представляется чрезвычайно важным то, что авторы данного издания относятся к различию интерпретаций политики памяти как к объективному процессу. А.И. Миллер честно признается в том, что первоначально относился с осуждением к новым версиям политики памяти, предлагаемым восточноевропейскими историками, но в настоящее время считает такой подход контрпродуктивным. Стремление отойти от нормативности в научных подходах составляет важный тренд развития научного сообщества, который пока не стал мейнстримом.

Материалы предшествующих подготовке коллективных публикаций по политике памяти дискуссий позволяют проследить ход научного поиска, проблемы на этом пути, и оценить результаты в виде представленных в данном издании статей. В одной из таких дискуссий А.И. Миллер говорил, что его как историка политолог бесит, но судя

по коллективной монографии, историк в ходе этого процесса стал более толерантным к политологу. Достоинство коллективной монографии, что противоречий и тем более противоборства представителей разных дисциплин совершенно незаметно.

Коллективная монография «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» соответствует современному состоянию state of the art в том, что относится к исследованиям политики памяти и конструирования идентичностей. Политика памяти рассматривается в них как сфера острой конкурентной борьбы. Речь идет, прежде всего, о том, чтобы избежать узкой трактовки политики идентичности, привнесенной американской традицией. Европейские ученые «примеряют» в этих целях другие термины, такие как politics of belonging, но терминологические новации не меняют того, что вопрос принадлежности остается острым в научном и идейно-политическом измерении [Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe, 2019].

В отношении формирования наднациональной европейской идентичности нет никаких оснований сомневаться в выводах Д. В. Ефременко, что еврократы как группа не слишком успешны в их попытках сформировать европейскую идентичность, хотя в этом направлении были сделаны значительные усилия [Lähdesmäki, 2019]. Смещение акцента с политических на культурные компоненты курса по формированию европейской идентичности к началу 2000-х гг. дало некоторый положительный результат [Котта, 2017], но последующие процессы его ослабили.

Однако, следует иметь в виду, что при всей элитарности проекта по европейской идентичности, еврократы не были единственными претендентами на роль акторов политики наднациональной идентичности. Совершенно справедлива ссылка Д. В. Ефременко на солидарный акт европейских интеллектуалов по попытке уточнить европейскую идентичность: в 2003 г. Юрген Хабермас обратился к коллегам из разных стран с просьбой выразить их позицию в отношении Европы. На призыв откликнулись французский философ Жак Деррида, баскский философ и писатель Фернандо Саватер, итальянский философ и политик Джанни Ваттимо, швейцарский писатель и литературовед Альфред Мушг [Эко, 2007, с. 64]. На мой взгляд, обычно исследователями европейской идентичности слишком скромное внимание уделяется усилиям интеллектуалов, которые попытались преодолеть различия в философских и иных взглядах, чтобы сформулировать концепт европейской идентичности не просто как европейскую идею, но и как политический курс.

В том, что касается обращения интеллектуалов к истории, то они нередко получали упреки в результате, будто в итоге их деятельности Европа становится местом памяти и печали, а травма прошлого вытесняет триумфальное рождение демоса как созидającego мифа европейской демократии [Giesen, 2004]. Впрочем, после 2004 г. европейский дискурс памяти радикально изменился, о чем в монографии говорится подробно в контексте активного выхода на европейскую сцену Восточной Европы, которая до этого была, по остроумному выражению американского публициста Фрэнсиса Тэйпона, «скрытой», поскольку ассоциировалась с поражением в «холодной войне» [Тароп, 2012].

А.И. Миллер справедливо пишет о том, что многие методологические проблемы связаны с трудностями междисциплинарного взаимодействия. Принципиально новым является в монографии четко выраженное значение идейно-политического водораздела. Разумеется, больше внимания общественности привлекают заявления политиков, например, когда венгерские лидеры оправдывают свою роль во Второй мировой войне участием в крестовом походе против большевизма, а венгерские дивизии на Дону называют последним форпостом против наплыва большевизма в Европу [István, 2018]. Но роль публичных интеллектуалов – историков, политологов, писателей – в формировании общественного дискурса остается значительной. Катарина Блюм и другие исследователи нового консерватизма в его восточно-европейском и российском варианте считают принципиально важным интеллектуальное основание данного политического курса, своего рода когнитивную сеть, созданную публичными интеллектуалами данных стран в виде разного рода научных и литературных центров, издательских проектов [New Conservatives in Russia and East Central Europe, 2019].

Факторы интеллектуального дискурса включают в себя потребность в разработке категориального аппарата, методов анализа, необходимость оценить вызовы и риски современного мира, и в этом контексте предложить когнитивные и ценностные ориентиры. Внеаучные факторы формируются как политической ситуацией, так и природой интеллектуалов (и интеллигенции), которые представляют собой гетерогенную группу, и различия в идеологических и идейно-политических взглядах и позициях являются одним из наиболее ярких показателей гетерогенности [Фадеева, 2012]. Следовательно, они представляют общественности разные картины мира, версии истории, политики памяти и идентичности. Нередко данные картины не просто различны, но прямо противоположны, и тогда их авторы упрекают своих оппонентов во всех смертных грехах. Мне близка позиция авторов данной монографии, она выглядит достаточно однородной, обоснованной, стремящейся к преодолению нормативности научных подходов, все же мне представляется, что другая картина мира и версия политики памяти и идентичности могла бы найти в данном издании более полное представление. В самом деле, могли бы быть туда включены тексты профессоров Нарочницкой или Дугина? Очевидно, что у них совершенно другие ценностные ориентиры и политические позиции. Значит ли это, что их можно воспринимать только в качестве объектов критики? И они не могут внести ничего в понимание методологических проблем изучения политики памяти, анализ акторов и стратегий такой политики? Или такой дискурс невозможен по определению? И это делает проблематичным возможность формирования общей политики памяти/идентичности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности // *Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание*. Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 184–192.

Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М., СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый Хронограф, 2012. 320 с.

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Опыт мировых войн в политике идентичности и развитие стратегии международной безопасности // *Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток*. М.: Издательство «Научный консультант», 2019. С. 213–238.

Эко У. Сценарий для Европы // *Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ*. М.: Эксмо, 2007. С. 64–74.

Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe. Ed. by T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis, New York: Palgrave Macmillan, 2019. 294 p. Giesen B. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. 208 p.

István Rév. Liberty Square, Budapest: How Hungary Won the Second World War // *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 20. № 4. Pp. 607–623.

Lähdesmäki T. Conflicts and Reconciliation in the Postmillennial Heritage Policy Discourses of the Council of Europe and the European Union // *Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. Ed. by T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis, New York: Palgrave Macmillan, 2019. Pp. 25–50.

New Conservatives in Russia and East Central Europe. Ed. by K. Bluhm. London, New York: Routledge, 2019. 322 p.

Tapon F. *The Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us*. WanderLearn. Library of Congress Cataloging-in-Publications Data, 2012. 736 p.

REFERENCES

Kotta M. Yevropeyskaya identichnost': vyzovy sovremennosti [European identity: modern challenges], in *Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity. Personality. Society. Politics. Encyclopedic edition]. Ed. by I.S. Semenenko. M.: Ves' mir, 2017. Pp. 184–192 (in Russian).

Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. [Methodological issues of studying the politics of memory: Sat. scientific. tr.]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Yefremenko. M., SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. 224 p. (in Russian).

Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya [The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives: collective monograph]. Ed. by A.I. Millera, D.V. Yefremenko. SPb.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p. (in Russian).

Fadeyeva L.A. *Kto my? Intelligentsiya v bor'be za identichnost'* [Who are we? Intellectuals in the struggle for identity]. M.: Novyy Khronograf, 2012. 320 p. (in Russian).

Fadeyeva L.A., Plotnikov D.S. Opyt mirovykh voyn v politike identichnosti i razvitiye strategii mezhdunarodnoy bezopasnosti [The experience of world wars in identity politics and the development of an international security strategy], in *Regional'nyye strategii mezhdunarodnoy bezopasnosti: Rossiya, ES i Blizhniy Vostok* [Regional strategies of international security: Russia, the EU and the Middle East]. M.: Izdatel'stvo "Nauchnyy konsul'tant", 2019. Pp. 213–238 (in Russian).

Eko U. Stsenariy dlya Yevropy [Scenario for Europe], in Eko U. *Polnyy nazad! Goryachiye voyny i populizm v SMI* [Full back! Hot wars and populism in the media]. M.: Eksmo, 2007. Pp. 64–74.

Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe. Ed. by T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis, New York: Palgrave Macmillan, 2019. 294 p.

Giesen B. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. 208 p.

István Rév. Liberty Square, Budapest: How Hungary Won the Second World War, in *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 20. № 4. Pp. 607–623.

Lähdesmäki T. Conflicts and Reconciliation in the Postmillennial Heritage Policy Discourses of the Council of Europe and the European Union // *Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. Ed. by T. Lähdesmäki, L. Passerini, S. Kaasik-Krogerus, I. van Huis, New York: Palgrave Macmillan, 2019. Pp. 25–50.

New Conservatives in Russia and East Central Europe. Ed. by K. Bluhm. London, New York: Routledge, 2019. 322 p.

Tapon F. *The Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us*. WanderLearn. Library of Congress Cataloging-in-Publications Data, 2012. 736 p.

Хероним Граля

Несколько замечаний о политике памяти в России и не только ...

Поводом для наших замечаний является выход достаточно фундаментальной по своему замыслу и объему коллективной монографии, посвященной современной политике памяти в России и странах Восточной Европы [Политика памяти в современной России..., 2020].

Поздравляя авторский коллектив и редакторов с интересным замыслом и не менее интересной реализацией этого весьма востребованного проекта, позволим себе, однако – вспоминая древнюю русскую пословицу – прибавить маленькую ложечку дегтя в бочку настоящего меда.

Конечно, объем книги и охват затронутого в ней материала не позволяет нам более подробную полемику со столь импозантным начинанием по слишком многим

направлениям в достаточно кратком тексте, поэтому мы ограничимся несколькими конкретными моментами, наиболее близкими нашим интересам и нашему личному опыту.

Вначале все-таки хочется подчеркнуть несомненные достоинства упомянутой книги: весьма продуманная структура монографии, удачный подбор тем, высокий уровень компетентности авторов, весьма современный подход к основной теме. В чем тогда можно увидеть отдельные ее недостатки?

Во-первых, определенные сомнения вызывает представленность институтов, о которых идет речь во втором разделе (*Институты политики памяти и мнемонические акторы*), а также отсутствие информации о некоторых из них. Понятно, что есть статья о Российском историческом обществе и Российском военно-историческом обществе (Гл. 4, с. 74–95 – авт. В.В. Лапин), но почему, например, нет информации о носителях другого нарратива: в первую очередь о Вольном историческом обществе, или о «Ельцин-центре»? Конечно, доминирование РИО и РВИО в области политики памяти очевидна, ее причины понятны, но разве это обозначает, что у их оппонентов нет политики памяти? Кажется, можно как раз указать немалый пласт российской интеллигенции (особенно столичной), где эти два совершенно разных нарратива существуют параллельно, а лишенным государственной поддержки институтам памяти удается сохранять свои позиции и определенное влияние отчасти благодаря современным технологиям, заметному присутствию в социальных сетях и т.д. Не последнее значение также имеет реальный научный вес конкурирующих структур: не случайно ведь флагманский проект ВИО «*Историк за верстаком*» собрал достаточно звездный состав специалистов, аналога которому в проектах РВИО, например, не найти... Учитывая, что деятельность ВИО происходит исключительно на общественных началах, его активность и качество реализованных проектов заслуживает внимания. Кажется, данный аспект стоило отметить, особенно если учесть точные наблюдения А.И. Миллера об определенном противостоянии Русской православной церкви и «Мемориала» в области коммеморации памяти жертв репрессий (сомнительно, правда, насколько успешно может противостоять «иностранный агент» православной церкви, пользующейся широкой поддержкой государства) или не всегда удачных попытках государственных структур подчинить себе общественные практики-институты типа «*Бессмертного полка*» или «*Последнего адреса*» (с. 18, 20).

Во-вторых – несколько замечаний о медиа и печати. Конечно, если говорить об институтах исторической памяти в России, вряд ли можно пройти мимо историко-популярной периодики. Посвященная этому феномену глава 20 (с. 391–400) авторства А.Ю. Павловской вряд ли может быть признана удачной, отчасти в силу достаточно вторичных выводов на тему редакционной политики и содержания основных журналов, зависимость которых от работы Н.Д. Потаповой, особенно в случае журнала «Родина», очевидна (с. 392–393). Увы, многие утверждения вызывают недоумение у постоянного читателя упомянутых в главе журналов («Родина», «Историк», «Дилетант»), который к тому же имеет достаточно большой опыт публикации в первом из них.

Кажется, основную разницу между «старой» «Родиной», которой, согласно мнению автора, присущ был формат исторической «глянцевого» периодики, и «новой», которая после ребрендинга 2015 г., как будто бы начала обратное движение к научно-популярному формату, определял не столько поиск новой целевой аудитории, сколько отказ от достаточно существенных принципов прежней редакционной политики: желание донести в популярной форме новые достижения исторической науки – отечественной и международной! – до общества, видение истории России как части глобального процесса (и открытости «заморской» проблематике), желание привлечь максимально широкий круг авторов из академических центров России (столичных и провинциальных), а также и зарубежных. Стоит вспомнить целую череду, в большинстве весьма удачных номеров, посвященных взаимоотношениям России и других государств (открывал эту серию «польский номер» еще в отдаленном 1994 г.), сотрудничество с крупными зарубежными популярно-историческими журналами (опять «польский след»: все начиналось с заслуженного варшавского журнала «*Mówią Wieki*»), и что особенно важно: своеобразный мониторинг того, что пишется в мире об истории России. Не являлись редкостью также важные редакционные беседы из пограничья истории, культуры и политики с видными деятелями культуры других стран [несколько примеров из польской проблематики: Михник, 2001; Григорьев, Михник, 2010; Вайда, 2010]. Достаточно вспомнить, что в свое звездное время «Родина» воспринималась за пределами России как качественный аналог знаменитого журнала «*History Today*» и осуществляла партнерские двусторонние и билингвальные проекты. Задумываясь над причинами, из-за которых данная формула исчерпалась, стоит обратить внимание именно на историческую политику: в конце концов упомянутый «ребрендинг» и своеобразное слияние с «Российской газетой» совпало во времени с резкими сдвигами в отношениях с зарубежной исторической наукой на фоне событий 2014 г. Кажется, именно этого политического фактора автор или недооценил, или даже не заметил, хотя резкий поворот виден невооруженным глазом. Кажется, статистический анализ, отраженный в таблице *Сравнение количества статей, посвященных «актуальным» периодам, в журналах «Историк», «Дилетант», «Родина»* (с. 399) был бы полнее, если бы было указано также количественное взаимоотношение материалов, посвященных отечественной и всеобщей истории. Увы, в определенном смысле здесь сегодня торжествует своеобразный изоляционизм.

Автор обращает внимание на тот факт, что «Также как и журнал “Родина”, “Дилетант” практически не зависит от “юбилейной сетки” – темы номеров, за некоторыми исключениями (годовщины начала Великой Отечественной войны и победы в ней Советского Союза), не имеют никакой привязки к годовщине событий» (с. 395). Примечательно, что данное явление кажется своеобразной перезагрузкой парадигмы: достаточно посмотреть перечень «тематических» номеров «старой» «Родины», чтобы понять, что переломом является здесь 2012 г. (его колоссальное значение для институциональной реорганизации пространства исторической памяти в России весьма справедливо подчеркнуто А.И. Миллером во введении (с. 16, 22). Парадоксально, но как раз «*Год российской истории*», а вместе с ним

празднование «Преодоления Смуты», являлись лебединой песней прежней тенденции, преобладающей на протяжении более чем 20 лет, вместе с этим произошло и фокусирование редакционной политики на достаточно ограниченном контингенте тем. Данный поворот достаточно трудно было бы осуществить без политического контекста. Добавим, что в отличие от прежней тенденции достаточно слабо прослеживается в современной периодике интерес к региональной истории, что само по себе также немало говорит об основном ракурсе актуальной исторической политики... Увы, этой тонкости, которая, как представляется, может влиять на умеренный интерес к «московским» титулам именно в провинции, автор дискутируемой главы тоже не заметил.

Наконец еще один, сугубо технический вопрос: по существу, независимо от всего политического контекста, стоило бы посмотреть на позицию трех упомянутых журналов на рынке научно-популярной российской периодики в сравнении с их аналогами в соседних странах (Польше, Германии, Украины). Может быть, некоторые из описанных в главе процессов являются закономерностью, порождением крупных изменений на глобальном рынке печати?

В-третьих, модель политики памяти, указанная в книге, кажется лишенной важного ее элемента — внешнего фона (за исключением главы 5), но как раз весьма конкретные наблюдения К. Пахалюка (с. 95–121), основанные на материале 2012–2018 гг., потеряли частично свою актуальность в силу заметного накала международных конфликтов вокруг политики памяти, участником которых стала Россия в 2019–2020 гг. Регулярное и беспрецедентное по своему масштабу участие представителей российских властей в исторических дискуссиях с «внешним миром» (начало данному процессу положили публичные выступления Президента РФ) придали российской политике памяти новые задачи и заметно усилили ее внешние функции.

Стоит также заметить, что в XXI в. Россия как минимум дважды пользовалась исторической памятью как платформой для заметного сближения с внешним миром: во-первых — в 2003 г., когда беспрецедентные по своему размаху торжества в честь 300-летия Санкт-Петербурга увенчались не только spectacularным саммитом глав многих государств, в том числе всех ведущих держав современного мира, но и принесли громадный международный резонанс, очень положительный для России, интереснейшим проявлением которого стали десятки национальных комитетов чествования юбилея Северной столицы в разных странах мира, зачастую возглавляемые виднейшими политиками и деятелями мировой культуры. Старинный петровский лозунг «Все флаги в гости будут к нам» нашел впечатляющий современный эффект, особенно в Европе, где многие страны включили в свою культурную повестку «Год Петербурга».

Очередной попыткой использования Россией в широких международных масштабах политики памяти стала подготовка к 100-летию начала Первой мировой войны (2014 г.). Кажется, юбилей действительно мог иметь достаточно большой

внешнеполитический потенциал, если учесть значимость даты для многих народов Западной Европы, но вследствие решения властей РФ о присоединении Крыма, намеченные торжества приняли сугубо внутренний характер, а интерес к проектам торжеств, запланированным раньше на 2014–2018 гг., достаточно резко упал уже в конце 2014 г. (весьма характерно, что на смену попыткам обращения к традициям «*Entante cordiale*» в российском дискурсе стал появляться мотив «измены Запада», вины неблагодарных союзников перед Российской империей)¹.

Последний наш упрек касается отказа от весьма интересной возможности посмотреть на восприятие российской политики памяти специалистами из соседних стран. Интересно, что авторы монографии обращались к иностранному опыту в конкретных случаях, ссылаясь на конкретные примеры в соседних государствах (сюжет гданьского Музея второй мировой войны – с. 19), но проходили мимо конкретных зарубежных публикаций, даже если среди их авторов появлялись нередко авторитетные российские специалисты [см.: Polska – Rosja..., 2017]. К сожалению, остались невостребованными подготовленные зарубежными институтами (или по их заказу) общественные опросы; правда, самый интересный и емкий документ, подготовленный Центром Левады по запросу Польско-российского центра диалога и согласия вышел в свет почти параллельно с дискутируемой книгой [Obraz Polski w Rosji..., 2020].

Наконец несколько замечаний об основных достоинствах книги с точки зрения зарубежного исследователя российской истории. В первую очередь, отметить здесь надо важный блок текстов (Главы 6–8), связанных с участием в российской политике памяти РПЦ (согласно весьма точной формулировке А.И. Миллера «второго после государства актора по масштабу и влиянию», хотя и «имеющего собственную повестку» – с. 18). Констатация о существенном участии РПЦ в осуществлении политики памяти, и даже – обращаясь к византийской терминологии – определенной симфонии между светской и церковной властью – правильна, хотя в начертанной авторами отдельных глав картине (М. Ларуэль, Д. Аникин) иногда не достаёт хронологической глубины и точности².

Во-вторых, очень ценной и удачной инициативой кажется исследование достаточно неочевидной темы: политики памяти в непризнанных республиках постсоветского

¹ Точности ради отметим, что в официальной российской политике памяти понятие «измены Запада» относится в первую очередь к событиям начала 90-х XX в. и распадом СССР [см.: Kupiecki, 2019].

² Особенно удивляет отсутствие проектов, связанных с историей Смуты, в которых развитие церковный фактор имел с самого начала огромное значение (даже установление в 2005 г. государственного праздника 4 ноября выросло из сугубо церковной инициативы – предлагаемого патриархом Алексием II официального празднования Дня Казанской иконы Богородицы – как заступницы России, под знаменем которой одержали свою победу Минин и Пожарский). Среди ключевых событий 2013 г. стоит отметить установление и освящение в Александровском саду у стен московского Кремля памятника патриарху Гермогену. Не менее важное значение имел сюжет крещения Руси, и места которое занимает в нем традиция крымского Херсонеса: ведь мотивы «*купели Руси/России*» и приравнивание Крыма к иерусалимской Храмовой горе находят свои предпосылки в официальных выступлениях иерархов РПЦ раньше 2014 г. [см.: Grala, 2017].

пространства – Приднестровье и Донбассе (Раздел VI, Гл. 26–28). Приведенный материал позволяет составить картину памяти *in statu nascendi*, ее формирования в экстремальных условиях и весьма скоростно...

В-третьих – данная публикация является самой полной и самой актуальной презентацией исследований о политике памяти в российской науке, а вместе с тем – благодаря участию в подготовке тома отдельных зарубежных ученых – позволяет высоко оценить обладание методологией и инструментарием современной науки отечественных специалистов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вайда А. «Бесы» с санкции парткома // *Родина*. 2010. № 7. С. 67–68.

Григорьев В., Михник А. «Пробить дубовый занавес» // *Родина*. 2010. № 7. С. 64–66.

Михник А. «В славянских странах я чувствую себя как дома» // *Родина*. 2001. Январь–февраль. С. 157–159.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Grala H. Nacjonalizm jako czynnik kształtowania nowej rosyjskiej tożsamości. Centrum a «prowincja» // *Polska – Rosja. Poszukiwania nowej tożsamości. Podobieństwa i różnice (= Debaty Artes Liberales. T. XI)*. Red. A.D. Rotfeld. Warszawa: Wydział «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2017. S. 135–161.

Kupiecki R. «Mit założycielski» polityki zagranicznej Rosji // *Sprawy Międzynarodowe*. 2019. № 4. T. 72. S. 77–105.

Образ Polski в Rosji przez pryzmat historycznych sporów. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2020. 28 s.

Polska – Rosja. Poszukiwania nowej tożsamości. Podobieństwa i różnice. (= Debaty Artes Liberales. T. XI). Red. A.D. Rotfeld. Warszawa: Wydział «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski, 2017. 360 s.

REFERENCES

Vayda A. “Besy” s sanktsii partkoma [“Demons” with the approval of the party committee], in *Rodina*. 2010. № 7. Pp. 67–68 (in Russian).

Grigor’ev V., Mikhnik A. “Probit’ dubovyy zanaves” [“To break the oak curtain”], in *Rodina*. 2010. № 7. Pp. 64–66 (in Russian).

Mikhnik A. “V slavyanskikh stranakh ya chuvstvuy sebya kak doma” [“I feel at home in the Slavic countries”], in *Rodina*. 2001. January–February. Pp. 157–159 (in Russian).

Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya [The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives: collective monograph]. Ed. by. A.I. Millera, D.V. Yefremenko. SPb.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p. (in Russian).

Grala H. Nacjonalizm jako czynnik kształtowania nowej rosyjskiej tożsamości. Centrum a "prowincja", in *Polska – Rosja. Poszukiwania nowej tożsamości. Podobieństwa i różnice* (= *Debaty Artes Liberales. T. XI*). Red. A.D. Rotfeld. Warszawa: Wydział "Artes Liberales", Uniwersytet Warszawski, 2017. S. 135–161 (in Polish).

Kupiecki R. "Mit założycielski" polityki zagranicznej Rosji, in *Sprawy Międzynarodowe*. 2019. № 4. T. 72. S. 77–105 (in Polish).

Obraz Polski w Rosji przez pryzmat historycznych sporów. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2020. 28 s. (in Polish).

Polska – Rosja. Poszukiwania nowej tożsamości. Podobieństwa i różnice. (= *Debaty Artes Liberales. T. XI*). Red. A.D. Rotfeld. Warszawa: Wydział "Artes Liberales", Uniwersytet Warszawski, 2017. 360 s. (in Polish).

М.А. Липман

Роль истории в международных и внутренних конфликтах постоянно растет

В политической шутке позднесоветского времени СССР называли страной с непредсказуемым прошлым. Постсоветскую Россию часто критикуют за чрезмерную погруженность в прошлое и отсутствие видения будущего. Между тем, болезненная сосредоточенность на прошлом сегодня поразила многие страны мира; в некоторых ревизия истории достигла поистине революционного размаха.

В Соединенных Штатах национальная история как славный путь к свободе на наших глазах замещается позорной хроникой рабства, а тех, кто еще недавно считался основателями Республики и национальными героями, норовят свергнуть с пьедестала. Пересмотр ценностей прошлого и монументальное иконоборчество охватило даже Британию, которая всегда отличалась повышенным пиететом к вековым традициям.

Историческая память, разумеется, избирательна: национальный нарратив строится вокруг нескольких эпизодов, хрестоматийных дат, ограниченного набора национальных праздников и национальных героев. Столь же неотъемлемой частью исторической памяти является забвение «ненужного» — или целенаправленное исключение того, о чем, по той или иной причине, неприятно вспоминать. Случается и так, что забытое вновь извлекается и обретает актуальность.

Россия XX века накопила богатый опыт радикального переосмысления прошлого. Отправив старый мир на свалку истории, большевики заново создали миф основания и собственный пантеон героев, придав им статус абсолютной истины. Последующая локальная переоценка событий и лиц носила характер партийных директив, не подлежащих обсуждению. В середине века сталинская коммунистическая диктатура сменилась более мягким режимом, который свел под корень все изображения Сталина и вычеркнул его имя из географии и истории. В течение нескольких десятилетий Сталин практически не упоминался в публичном пространстве.

К концу XX в. было решительно отвергнуто марксистско-ленинское представление о прошлом, но ни целостной картины, ни последовательного нарратива уже не возникло. В общественном дискурсе осталось немало от позднесоветского, но вернулся и Сталин, и «старый» мир с царями и князьями. Официальный нарратив сегодня уклончив, и за пределами прославления победы в Великой Отечественной войне власти не усердствуют в навязывании правильной версии истории – в сущности, на сегодняшний день, такой версии в России не существует.

Помимо официального в стране сосуществуют разные дискурсы – советский и монархический, националистический и либеральный, каждый со своими героями и своим осмыслением исторических событий. Эти дискурсы противоречат друг другу, но конфликт, по крайней мере, на сегодняшний день, не перерастает в масштабную конфронтацию – не в малой степени благодаря тому, что власти, с одной стороны, постоянно расширяют контроль над общественной жизнью, а с другой – не солидаризуются ни с одним из потенциально конфликтных дискурсов. По сравнению с теми странами, где граждане во имя избавления от неправильных символов крушат памятники направо и налево, в России монументальное/символическое пространство отличается удивительной эклектичностью, когда одновременно увековечиваются фигуры прямо противоположного содержания.

Проявляя относительную терпимость к активности в символической сфере внутри страны, официальная Россия занимает непримиримую позицию в «войнах памяти» с другими государствами. Сражения касаются, главным образом, антагонистических дискурсов о Второй мировой войне, которая для России является центральным элементом национального нарратива о великой державе – единственным историческим событием, разговор о котором регламентируется законом. Для ряда стран Восточной и Центральной Европы Вторая мировая война – мощное идеологическое орудие, с помощью которого они стремятся представить себя жертвой сразу двух «тоталитарных режимов», одним из которых оказывается Россия.

Роль истории в международных и внутренних конфликтах постоянно растет, отчего исследования исторической политики и исторической памяти становятся все более актуальными. В рассматриваемой коллективной монографии главы, посвященные методологии, соседствуют с исследованиями разных аспектов политики памяти, а сама эта политика в целом рассматривается как сфера конфликтов. «Политика

памяти...» — исключительно важная и своевременная работа, тем более что в составе авторов — целый ряд ученых, давно и серьезно занимающихся данной тематикой. Среди них два основателя данного направления в России — А.И. Миллер, один из двух составителей и автор Введения, и О.Ю. Малинова, автор методологической главы.

Для меня в этом сборнике особенный интерес представляют главы, посвященные политике памяти за пределами России — в Украине и Беларуси, а также в непризнанных республиках, которые ранее не освещались с этой точки зрения.

Украина и Беларусь — страны, объединенные с Россией общей историей, что особенно важно в контексте советского прошлого. Как и Российская Федерация, после распада СССР Украина и Беларусь столкнулись с необходимостью строительства новой государственной идентичности. Несмотря на близость трех стран в географическом, лингвистическом и культурном отношении, политика памяти строится в них по-разному. Сравнение усилий по государственному строительству, интересное в каждом случае само по себе, позволяет разглядеть особенности политики памяти в нашей стране.

Ни одно из трех государств не существовало ранее в нынешних границах, но в России официальный дискурс подчеркивает преемственность сегодняшней Российской Федерации со всей ее предшествующей историей, при этом избегая упоминаний (и тем более интерпретаций) о радикальных сломах государственности. В частности, президент В.В. Путин подчеркивал, что «Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года» и что «у нас единая, неразрывная тысячелетняя история». В отличие от России, в Беларуси и Украине поиски постсоветской идентичности и истоков государственности носят более конкретный характер, а в Украине эти искания являются предметом острой идеологической конкуренции, периодически перерастающей в политический кризис.

Григорий Иоффе, автор главы, посвященной исторической памяти в Беларуси, а также многих других работ о Беларуси, опубликованных в последние годы, подчеркивает уникальность этой страны: само существование белорусского народа некоторые исследователи ставят под сомнение, как и отличие белорусов от русских. Проблема усугубляется тем, что практически все белорусы говорят по-русски. Трасянка, смесь русского с белорусским, по словам Иоффе, «сама уже настолько русифицировалась, что от белорусского в ней осталась лишь фонетика плюс не более дюжины слов, не встречающихся в литературном русском языке». На этом языке говорит в том числе президент страны Александр Лукашенко, и это «сделало его своим в восприятии многих белорусов», утверждает Иоффе. Русские, пишет автор, не воспринимаются как колонизаторы, а попытки укрепления этнического национализма потерпели поражение. На какой же основе строится белорусская национальная идентичность в отсутствие полноценного собственного языка, а также этнического (антирусского) национализма? Иоффе не сомневается, что за три десятилетия постсоветской государственности белорусская национальная идентичность укрепились, несмотря на то, что здесь так и сложилась этническая нация.

Зато состоялась гражданская нация, в основе которой не национальный канон, а гражданское сообщество.

Важнейшим событием прошлого в Беларуси считают победу в Великой Отечественной войне, что, несомненно, роднит Беларусь с Россией и еще сильнее снижает самую возможность этнического (антирусского) национализма. Гигантские потери Советского Союза в войне, применительно к Беларуси, выглядят еще более невероятными — западная республика СССР приняла на себя основной удар нацистской военной агрессии, ее территория была оккупирована, погиб каждый третий житель Белоруссии. В памяти о войне одно из центральных мест занимает партизанское движение.

В России, как бы ни был велик размах коммеморации, победу все-таки невозможно превратить в миф основания (ср. приведенное выше утверждение В. В. Путина, свидетельствующее о нежелании связывать начало государственности с какими-то конкретными, недавними событиями). В отличие от этого в Беларуси, по результатам референдума 1996 г., главный национальный праздник, которым раньше считался день независимости (от Советского Союза), был перенесен, и теперь такой торжественной датой стало 3 июля — день освобождения Белоруссии от нацистской оккупации в 1944 г.

«Советская» версия белорусской государственности изначально не была единственной. С ней конкурировала западническая версия, которая строилась на более древних основаниях, связанных с польско-литовским княжеством. В рамках этой версии Беларусь «присваивала» себе героев, которых Польша числит своими, таких как Костюшко или Мицкевич, а главным государствообразующим событием становился 1918 год — краткий период существования независимой Белорусской народной республики. Странники западнического варианта национальной идентичности пытались развенчать «партизанский миф» освобождения от нацизма и заменить его «постколониальным», связанным с Западной Белоруссией и борьбой против присоединения этой территории к СССР по сталинскому договору 1939 г. с гитлеровской Германией.

Однако, как утверждает Иоффе, «антиколониальный пафос не был воспринят большинством белорусов», хотя и не был вытеснен окончательно. Власти Беларуси проявляют относительную терпимость к западнической версии национальной памяти, и этот крен периодически усиливается — в периоды ухудшения отношений между Россией и Беларусью.

Несмотря на главенство «советской» версии государственности и центральное место в ней победы в Великой Отечественной войне, белорусская национальная идентичность существенно отличается от российской, поскольку полностью дистанцируется от российского имперского синдрома.

Процесс государственного строительства едва ли можно считать окончательным. Иоффе цитирует Светлану Алексиевич, известного деятеля белорусской культуры

и лауреата Нобелевской премии по литературе: на встрече с общественностью в 2019 г., когда история независимой Беларуси насчитывала уже три десятилетия, Алексиевич объявила, что «наша национальная идея – стать белорусами». Однако самому автору, по всей видимости, ближе позиция Александра Лукашенко: президент Беларуси считает, что «мы состоялись как государство». К середине 2020 г. политические позиции самого Лукашенко, как кажется, серьезно пошатнулись, но острая политическая борьба, которая неожиданно вспыхнула в Беларуси, не оставляет сомнений, в том, что белорусы воспринимают себя как граждане независимого государства. Несмотря на неблагоприятные стартовые условия для национального строительства, они готовы объединять усилия во имя лучшей жизни в собственных национальных границах.

Политике памяти в Украине посвящена глава Георгия Касьянова, историка, многие годы изучающего процессы, связанные с национальным строительством в этой стране. Если проблемой Беларуси было почти полное отсутствие опыта независимой государственности, а также восприятие русского языка как почти родного, то в Украине препятствием на пути строительства нации стал внутренний раскол, в частности очень остро стояла проблема языка. С задачей объединения нации не справился ни один из шести лидеров Украины, возглавлявших страну на протяжении трех постсоветских десятилетий. С самого начала, пишет Касьянов, историческая политика страны определялась противостоянием между украинским национализмом и советским ностальгическим дискурсом. Для первого государствообразующим сюжетом был Голодомор и борьба за свободу и независимость Украины, героями которой стали националистические организации ОУН и УПА. Для второго – советский культ победы в Великой Отечественной войне. Эти дискурсы относительно мирно уживались между собой в начале 1990-х гг.; несмотря на «иконоборческий экстаз» националистов, шел процесс «раздела сфер влияния».

Президент В.А. Ющенко сделал историческую политику основным направлением политической борьбы; он стремился вытеснить из власти представителей советско-ностальгической «партии», очистить физическое пространство от памятников и имен, связанных с советским периодом украинской истории, и укоренить Степана Бандеру в качестве главного национального героя. Весь период правления Ющенко отмечен неуклонным насаждением националистического дискурса в общенациональном масштабе.

Важной особенностью политической борьбы в Украине – и исторической политики как ее неотъемлемой части – стала активная вовлеченность внешних игроков: украинской диаспоры на стороне националистических сил и правящего класса России на стороне поборников «советской ностальгии».

Приход к власти Виктора Януковича ознаменовался определенным реваншем советско-ностальгического нарратива и попытками дискредитации националистического дискурса. Но вскоре очередной этап политического противостояния прорвался вооруженным конфликтом. Победа Майдана над Януковичем и его

элитой привела к радикализации «националистического нарратива», в частности, стремительной мемориализации героев Майдана. Вслед за этими событиями, пишет Касьянов, ландшафт исторической памяти стремительно изменился. Политика декоммунизации, сопровождавшаяся тотальным сносом памятников, так называемым ленинопадом, стала магистральной линией политической жизни страны.

Слово «декоммунизация» не должно вводить в заблуждение: уничтожение памятников Ленину и других символов, связанных с советским периодом украинской истории, носило националистический, «антиколониальный» характер и было направлено не против коммунистических идей, а против России. Взлет антироссийских настроений — легко объяснимый после присоединения Крыма к России и последующего вооруженного конфликта на Донбассе — был использован новым украинским руководством для мощной националистической консолидации и экспансии националистического дискурса за пределы «традиционной территории» украинских националистов, в том числе в форме законодательного закрепления подобного дискурса (принятия мемориальных законов и т.п.).

Стремление заручиться поддержкой Запада против России, отмечает Касьянов, иной раз приводит к парадоксальным явлениям в сфере исторической политики. Так, признание Холокоста идет рука об руку с общегосударственным прославлением лиц и организаций, причастных к сотрудничеству с нацизмом и уничтожением евреев.

В своей главе Касьянов рассматривает также отношения Украины с Польшей как отдельный «фронт» войны памяти. Причина непримиримых противоречий между Польшей и Украиной — события 1943 г., связанные с уничтожением этнических поляков украинской повстанческой армией, которые в Польше носят названия «Волынской резни», а в Украине именуется «Волынской трагедией». Это единственный фактор, омрачающий отношения двух стран, имеющих общую границу и объединенных жесткими антироссийскими установками (Польша неизменно является главным защитником Украины в Евросоюзе).

Историческая политика в Украине, пишет Касьянов, осуществляется методом «политического и бюрократического диктата». Такая политика препятствует объединению нации и пагубно отражается на национальном развитии страны, которая на протяжении долгих лет живет в состоянии постоянно возобновляемого политического кризиса.

Последний раздел данной коллективной монографии посвящен политике памяти в двух непризнанных республиках — Приднестровье (ПМР) и Донбассе. Главы, входящие в состав раздела, представляют собой пионерские исследования — историческая политика, осуществляемая на соответствующих территориях, ранее не становилась предметом академических работ. Подобный подход представляется оправданным и плодотворным. С одной стороны, непризнанный «государственный» статус республики препятствует признанию ее права на собственное прошлое. С другой стороны, острая необходимость обосновать свое «право на

существование» — если не в глазах внешних акторов, то, по крайней мере, среди собственного населения — только повышает значимость символической легитимации, важнейшим элементом которой является исторический нарратив.

Исследования А.А. Вороновича, Е.А. Бабкиной и А.В. Фелькер свидетельствуют о том, что процессы формирования собственной исторической памяти в обеих непризнанных республиках отличаются высокой интенсивностью. При этом общая концепция неизбежно меняется со временем и остается довольно неопределенной, в частности, оттого, что на ниве исторической памяти и в ПМР, и в Донбассе трудятся разные акторы. Воронович, автор главы об исторической политике в двух рассматриваемых республиках, описывает общую канву как «интернационалистский сепаратизм» — в отличие от националистического сепаратизма, характерного для других непризнанных республик на территории бывшего СССР (Абхазии, Южной Осетии или Нагорного Карабаха). Представляется, что в обоих случаях сепаратизм можно было бы описать как «политический» — Приднестровье, особенно поначалу, определяло себя как «островок советского». «Старая идеология укоренена на восточном берегу Днестра прочнее, чем где бы то ни было [на территории России]», написал корреспондент «Вашингтон пост», посетивший Приднестровье в 1994 г. Таким «островком советского» отчасти мыслит себя и Донбасс, хотя постепенно в его новую идентичность вплетаются и другие элементы.

В ходе дальнейшей трансформации Приднестровья, указывает Воронович, «советская» идентификация уступила место трудно определимой «славянско-православной», а затем сменилась принадлежностью к «русскому миру», впрочем, столь же смутно определяемой. В середине 2000-х гг. в Приднестровье резко активизировалась политика монументальной мемориализации — было установлено множество памятников самым разным историческим фигурам. Этот «монументальный бум», как его называют авторы сборника, соответствует аналогичным процессам на территории России. Подобно «монументальной лихорадке», поразившей Россию, приднестровский «монументальный бум» отличается идеологической эклектичностью. В ПМР увековечен генерал А. Лебедь, чья армия служила защитой Приднестровью во время вооруженного конфликта 1992 г.; тому же конфликту посвящен и Мемориал Памяти и Скорби. Но исторические «претензии» ПМР простираются далеко за пределы этого события, с которого началась история непризнанной республики. Приднестровье гордится и советскими победами, и победой над турками (апроприация А.В. Суворова как основателя Тирасполя произошла еще раньше), почитает и афганских ветеранов, и воинов-миротворцев, и Александра Невского, и императрицу Екатерину II. В 2009 г. в Бендерах открылась «Аллея Славы российских полководцев».

В главе Е.А. Бабкиной описано конструирование «исторической легитимации» самопровозглашенных республик Донбасса, которая поначалу строилась на концепции «Новороссии». Историческая легитимация описана в данной главе как развивающийся процесс, в который вовлечены различные акторы, а сама конструкция включает в себя эклектичный набор из воспоминаний о Донецко-Криворожской

республике 1918 г., элементов советского без революции, имперского и антизападного, и конечно, ориентации на сегодняшнюю Россию.

Главы, посвященные политике памяти в непризнанных республиках, впервые вводят в научный оборот факты и документы, связанные с «национальным строительством» на этих территориях. К чести авторов все три работы остаются в строго академических рамках, несмотря на острую политическую актуальность темы Донбасса. Впрочем, на мой взгляд, анализ был бы более полным, если бы динамика политики памяти в непризнанных республиках, главным образом в Донбассе, рассматривалась в контексте российской политики. То, что там происходит сегодня, даже в большей степени, чем на ранних этапах в Приднестровье, находится в самой тесной зависимости от политических, кадровых и иных решений, принимаемых в Москве.

А.А Тесля

Об опыте многоуровневого описания политик памяти¹

Актуальность изучения «политик памяти» на постсоветском и близком к нему пространстве не вызывает сомнений – и в том смысле, например, что за последние десятилетия политические способы работы с прошлым претерпели существенные изменения, и в том, что международные отношения все чаще строятся в формах «войн памяти» как одного из существенных измерений.

При этом историческое сообщество оказывается независимо от своей воли так или иначе втянуто в происходящие процессы. Понятно, что воздействие политик памяти в первую очередь испытывают или активно пытаются, с тем или иным успехом, вмешаться в качестве участников, те исследователи и соответствующие институции, которые специализируются на «горячих» событиях и эпохах, однако в той или иной степени последствия испытывают все. Хотя бы потому, что речь идет не столько об управлении историей, сколько политическом использовании истории, достижении политических целей и задач, и, следовательно, уже как включенные в

политическое пространство, в роли субъектов или объектов, в своем профессиональном качестве или как граждане и т.д.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Собственно, во многом с этим связана и сложность изучения данного рода сюжетов — поскольку речь идет и о политике, если не текущего момента, то ближайших по времени лет, поскольку возникает проблема исследовательской дистанции и вовлеченности, поскольку такого рода исследования сами могут оказываться — и, в той степени, в которой они оказываются резонансы, влиятельны и т.д. — действительно оказываются частью процессов политик памяти. Впрочем, все это неизбежные черты модерна — достаточно вспомнить хотя бы принадлежащее Энтони Гидденсу определение рефлексивности как одной из ключевых его характеристик — и, соответственно, становление социального знания как выделенного дисциплинарного пространства.

Если политики памяти в странах Центральной и Восточной Европы имеют уже достаточно солидный не только срок, но и уровень изучения, то работ по аналогичной проблематике, касающихся происходящего в России — довольно немного. Ситуация стала меняться в лучшую сторону в последние годы — появились серьезные проекты по изучению исторической политики/политики памяти, с 2018 г. начал работу Центр изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, при этом с самого начала очень активно заявивший о себе как научными мероприятиями, так и публикациями, одной из которых и является рассматриваемая монография¹.

Прежде всего следует отметить, что работа является «коллективной монографией» не только по названию (хорошо известно, что чаще всего так называются в наши времена сборники статей — в уступку формальным наукометрическим требованиям, но ничуть не модифицируясь содержательно). Это действительно не только широкое описание целого ряда сюжетов политик памяти — но связанное единой логикой и во многом близостью концептуального аппарата авторов исследование.

Именно поэтому первый и главный эффект, который производит работа — это отход от любых простых, однозначных интерпретаций политики памяти в России, в Восточной Европе, генерализирующего видения с высоты птичьего полета. Целостность возникает на следующем ходу, уже на уровне описания тенденций и основных линий развития — и здесь продуктивным оказывается именно политическая составляющая и опыт анализа политических процессов, избавляющий от поспешного использования генерализаций предельного уровня, таких как «власть», «государство» и т.п. — мысля неоднородность «власти», множество политических акторов, в том числе государственных.

Особый интерес в коллективной монографии, на наш взгляд, имеют разделы, посвященные изучению институциональных аспектов политики памяти. Прежде всего это главы о Российском историческом и Российском военно-исторических

¹ В числе работ, уже вышедших под эгидой Центра, следует упомянуть замечательное в том числе и по своим литературным достоинствам исследование В.В. Лапина [Лапин, 2018] (см., в частности, нашу рецензию [Тесля, 2018]), а также опубликованную совсем недавно монографию Е.И. Махотиной по ключевому сюжету публичной памяти пост-советского пространства [Махотина, 2020].

обществах (В.В. Лапин), парках «Россия – моя история» (В.П. Козьмина), институциональной стороне движения «Бессмертный полк» (А.М. Пономарева), две главы, написанные соответственно Г.В. Касьяновым и А.А. Плехановым, посвященные ситуации на Украине. Однако, что значимо подчеркнуть, и практически во всех остальных главах работы этот аспект остается в поле зрения исследователей.

Нам представляется, что этот исследовательский сдвиг внимания – в высшей степени продуктивен, вытесняя популярный, в том числе и в силу своей простоты, акцент на содержательной стороне и анализе нарративов. На этом тезисе представляется остановиться подробнее: изучение нарративов в итоге непроизвольно конструирует общую политику памяти как попытку – более или менее удачную – простройки некоего последовательного нарратива, подобно музейной экспозиции, мемориальному комплексу или фильму. Но именно здесь кроется затруднение – поскольку если речь идет именно о публичном пространстве и политических действиях и взаимодействиях, то даже в достаточно жестких авторитарных режимах политика памяти оказывается результатом взаимодействия разнородных – хотя бы уже в силу разноуровневности – нарративов, к тому же никогда не равномерных ни по охвату аудитории, ни по интенсивности воздействия. Тем самым описание наличного состояния, ориентированное на некую последовательную наррацию, конструирует упорядоченность или, что пожалуй даже более любопытно, констатирует конфликт/противоречие там, где оно может не наблюдаться в реальности – поскольку потенциально противоречивые логики могут не совпадать в прагматике и, следовательно, не приходиться в актуальное взаимодействие.

Это же, отметим попутно, может становиться и сильной стороной нарративных исследований – если воспринимать их не как описание данного, а именно как прослеживание логик и выявление сюжетов/топосов/схем, способных при определенных условиях порождать конфликты, ослаблять или взаимно усиливать друг друга или некий третий сюжет и т.п. – тем самым подталкивая к развитию предложенной в монографии многоуровневой схемы исследования, акценту на том, как институционализованы эти нарративы, кто является акторами в данных конкретных случаях, на каком пространстве и в каких ракурсах возможно взаимодействие.

Институциональное и акторное изучение, не отменяя исследования нарративов, позволяет вернуться к их рассмотрению уже с другой стороны – с точки зрения логик их производства, собственных логик нарративов и т.д. Собственно, это то, что позволяет их проблематизировать, лишить герметичности – и вместе с тем поставить вопрос о том, насколько они действительно автономны, насколько сознательные усилия даже наиболее весомых «игроков» в пространстве политической памяти, преследующих более или менее ограниченные во времени цели, способны модифицировать логики нарративов, а в какой – ограничиваются именно акцентированием одних сторон и приглушением других, уводом на второй план, где они оказываются своего рода «спящими» (по аналогии со «спящими институтами»).

Понятно, что как и всякое большое исследование актуального и продолжающегося сюжета, данная работа порождает массу перспектив дальнейшего изучения. Однако из их числа нам думается весьма важным и одновременно лишь мимоходом на данный момент затронутым изучение тонких сюжетов влияния политик памяти на большие исследовательские программы – сдвигах проблематики, интерпретации и проч. Опираясь на «здоровый смысл», вряд ли можно предполагать, что актуальные политики памяти способны выступать достаточно сильным фактором в возникновении новых исследовательских программ (за исключением, разумеется, тех, для которых сами политики памяти выступают объектом), здесь имманентная логика дисциплин должна оказываться достаточно сильным противодействующим фактором, особенно в той мере, в которой национальные дисциплинарные сообщества включены в большие международные контексты, но данный интуитивный довод в свою очередь нуждается в проверке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Лапин В.В. Броненосец «Русалка»: Корабль. Экипаж. Флот. Трагедия. Памятник. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 288 с.

Тесля А.А. В.В. Лапин Броненосец «Русалка»: Корабль. Экипаж. Флот. Трагедия. Памятник. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 288 с. // *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. 2018. № 6. С. 116–119.

Махотина Е.И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 218 с.

REFERENCES

Lapin V.V. *Bronenosets "Rusalka": Korabl'. Ekipazh. Flot. Tragediya. Pamyatnik* [Battleship "Mermaid": Ship. Crew. Fleet. Tragedy. Monument]. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2018. 288 p. (in Russian).

Teslya A.A. V.V. Lapin *Bronenosets "Rusalka": Korabl'. Ekipazh. Flot. Tragediya. Pamyatnik*. SPb.: Izd-vo EU v SPb., 2018. 288 s. [V.V. Lapin *Battleship "Mermaid": Ship. Crew. Fleet. Tragedy. Monument*. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2018. 288 p.], in *Istoriya. Nauchnoye obozreniye OSTKRAFT*. 2018. № 6. Pp. 116–119 (in Russian).

Makhotina Ye.I. *Prelomleniya pamyati: Vtoraya mirovaya voyna v memorial'noy kul'ture sovetskoy i postsovetskoy Litvy* [Refractions of Memory: World War II in the Memorial Culture of Soviet and Post-Soviet Lithuania]. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2020. 218 p. (in Russian).